

Рената Лукьянова Гемма, ода и другие Бартер

Пролог Слегка проливающий свет на события недавней давности¹

Ребе Селке Шинкерман не спалось.

Бывают такие мерзкие ночи, когда сон никак не идет, хоть ты тресни. А если и засыпаешь — такая пакость привидится, что лучше бы вообще не спать.

У Сирены Альмандины такое бывало часто.

У Селки Шинкерман — ни разу.

Она слышала, как в гостиной кто — то долго топтался, но сил чтобы встать, заварить чайку и поговорить за жизнь совершенно не осталось. Все, что у нее было, она отдала недотепе Зирику, сумев буквально за уши оттянуть хризолитовое ядро от падения в штольню.

В полубреду она слышала, как в комнату кто

¹ Здесь имеет места феномен тавтологии тавтологичной — особой черты одиозной литературы.

— то заходил, но потом скоренько вышел. Судя по тому, что стоящий на подоконнике кактус завял — это был Алекс.

Кетаналька с трудом разлепила глаза и кое-как выкарабкалась из кровати. Вроде полегчало. Теперь оставалось всего ничего — собрать разваливающееся тело по кусочкам и доползти до раненого гемма. Зирик будет жить. Если она, конечно, не окочурится по дороге.

В общей комнате торговка поняла, что, скорее всего, их с геммом похоронят рядом. И вовсе не потому, что Авику будет лениво петь панихиду в разных концах кладбища.

Ядро обожгло с такой силой, будто бы на грудь плеснули кипятком.

Перед глазами все поплыло. От злости торговка закусил губу. Харе сопил на кулак мотать, ей все равно помирать, а вот у Зирика еще может что и выйдет путное в этой жизни.

Выждав, пока лестница перестанет плясать ламбаду, Селка непреклонно поползла дальше.

Как бы написали лекаря в своих заумных пергаментях, состояние больного было стабильным, без каких — либо видимых изменений. Что да невидимых...

Торговка прикрыла глаза, всматриваясь в глубину пораженного ядра. Одиозные шаманы поработали знатно, хай им там икнется под

корнями.

Удерживающие камень нити, которые раньше напоминали сплетенную подвыпившим пауком паутинку, сейчас горели ровно и ярко. Изредка более тусклые озабоченно мигали и присасывались к другим, с просьбами поделиться целебной энергией. Очень по — кетанальски.

Селка уселась на стульчик и замурлыкала под нос знаменитую «Девочку — Целочку». Кончики пальцев зачесались. Отчего — то выброс силы неизменно сопровождался чесоткой.

На строчке «И мужики ее ласкают», ядро снова начало чудить. Оно снова нагрелось, а перед глазами встала до боли знакомая комната.

Длинные сосуды, колбы, гробик для себя любимой, куча драгоценных камней и знакомая фигурка, которая отдает Иному ярко — синий камень. От шустрый шкет, когда уже успел?

Далее ядро повело себя в лучших традициях кетанальских кинотеатров и потребовало денег за продолжение фильма. Торговку снова выбросило в реальность.

Внезапно накатило то самое ощущение, которое обычно бывало перед тем, как ее убивали. Скоро должна была случиться какая — то большая пакость.

Пациент заворочался и попытался открыть глаза. А вот это было лишним. Ребе Шинкерман

прикрыла его лоб рукой и тихо пропела:

Ой люли люли люли
Всем деткам дули
А Зирику калачи
Чтобы спал он до ночи!

Кетанальская колыбельная успокаивала лучше, чем окаянная Песня Последнего Рассвета, после которой она и слегла с этой клятвой ядерной хворью. Гемм успокоился, ядро разомлело и Селка увидела продолжение уже безо всяких ожогов.

Синий камушек лежал на одной из тумб и, похоже, был очень недоволен. Остальные также не испытывали особо радости от подобного соседства. Апфи ухитрялся доставать сородичей, даже будучи мертвым.

Ядра подрагивали от нетерпения. Все это напоминало кетанальский кабачок, в котором выступал глухонемой певец. У посетителей уже чесались руки, но того самого толчка, чтобы начать заварушку еще не было. Однако самым интересным было то, что в это же самое время Алекс... пыталась навешать тумачков Иному.

Селка присмотрелась внимательнее. Она не уловила, когда колдун успел сотворить свою поганую волшбу, однако старый хрен каким — то чудом сумел раздвоиться. Одна из копий

продолжала уклоняться от ударов, в то время как вторая незаметно подкралась со стороны и пырнула гемма в бок.

Алекс пошатнулся и упал. Мерзкий попугай торжественно заверещал. Не теряя времени, Иной склонился над геммом и потянулся к его ядру... что????

Селку вышвырнуло обратно с той же силой, с которой Ниннелька когда — то била ее счетами. Этот гад...Алекса...

Торговка резко вскочила на ноги и устоялась на Зирха. Гемм сопел в две дырочки, всем своим видом обещая, что никому ничего не расскажет. Только бы получилось...

Ребе Шинкерман прикрыла глаза и сосредоточилась на дорогой оправе, которую, по — хорошему, надо было бы посадить на цепь.

По его возвращению она так и сделает. А этот засранец вернется! Как пить дать вернутся, или она не Шинкерман!

Теперь — собрать все, что она о нем помнила, начиная с самой первой встречи. Глаза, жесты, улыбка...Нет, улыбку не надо, а то бедный камень испугается...

Годы молчания сказались и на умении сверкать. Обычно поисковой звук напоминал звон колокольчика или напевы свирели, но никак не обалделое:

— Вей зе мир, Селка ты шо творишь?

Перед глазами как будто развернулась подробная карта. Там, у маленького фонтана, в пасти золотой рыбки — еще бодрствующий нод.

Торговка была невероятно удивлена тем, что ядро откликнулось настолько быстро и безболезненно. Однако еще больше удивился Авик, который зашел проведать своего пациента, да так и остался стоять на пороге с открытым ртом.

Глава первая

В которой происходит первая из эпичных битв с главным злодеем и драгградский переворот

Необычный город Цынзь-Цынь и очень необычная ситуация...

— Селка, то шо? — как назло, опомнился Авик невероятно быстро.

Торговке даже не надо было смотреть на свою грудь. Глаза дорогого коллеги говорили сами за себя.

— Авик... — нет, вариант крикнуть «Смотри, голая Сотлисса!» и дать деру, тоже не прокатит. Не поверит.

Кетаналька набрала побольше воздуха, чтобы как следует объясниться, но вместо привычного потока красноречия у нее вырвалось лишь скупое:

— Авик, мне таки надо идти и бекицер!

Селка попыталась протиснуться между дверным косяком и немалым брюшком дорогого товарища.

— Ыгы!

— Авик, таки не будь фраером, дай пройти!

— Куда? Я с тобой!

— Авик, ти таки видишь этого бедного и почти мертвого человека? — торговка обращалась к дорогому коллеге как к умственно отсталому дитяти, которому добрые взрослые пытались объяснить, что задушенная им кошечка не воскреснет — Так вот, если я вот прямо сейчас не уйду, очень скоро туточки будет лежать еще один. Только на тот раз — взаправду мертвый.

Аватор послушно перевел глаза на лежащего гемма и отстраненно кивнул. Мимоходом он отметил, что за пару часов пациенту стало намного лучше. Исчезла нездоровая бледность кожи, грудная клетка покачивалась в такт ровному дыханию, да и в целом вид гемма уже не вызвал мысли о скидках на веночки.

— Но как ты... — полусвятой потрясенно уставился на дорогую коллегу. Предчувствуя град вопросов, Селка, отмахнулась по примеру

охотника.

— Я тебе таки потом все очень — очень подробно расскажу. Если вернусь! Пойдет? А до этого — Авик, я таки прошу — никому ни слова за то, шо видел!

Аватор обалдело кивнул, пропуская торговку. На ходу Селка скоренько накинула жакетик и плотнее запахнулась. Не хватало еще, чтобы в таком виде ее словила великая героиня. Тогда у бедняги Алекса не останется никаких шансов.

— Кхе-кхе-хке... а куда ушла Сирена? — аватора окликнул слабый голос.

Авик так и сел с открытым ртом. Похоже? сегодня Мать — Создательница задалась целью показать своему смиренному чаду все чудеса, на который была способна. Без пяти минут покойник? как ни в чем не бывало, открыл глаза и попытался сесть.

— Та лежите вы ужо, не напрягайтесь! — аватор легко ткнул Зирха по плечу, из — за чего гемм тотчас упал на подушки. Ну дорогая коллега, ну удружила! И главное — какой — то задрипанный гемм знал все с самого начала, а он, практически брат родной, нет?

— Поразительно! Оно практически восстановилось!

— Как так? — забывшись, аватор откинул одеяло и пощупал ядро. Камень был абсолютно

гладким и горел ровным светом.

— Я слышал песню Альмандина — Зирх казался задумчивым — Только мне всегда казалось, что ее слова раньше были более пристойными... Авик, что с вами?

— Та вы лежите, лежите, не напрягайтесь! — голос аватора был слаще меда, однако руки сами собой сжимались в кулаки.

Если эту заразу не прибьют, он сделает это своими собственными руками.

На пути в логово Иного...

Так быстро ребе Шинкерман бегала только один раз — когда науськанная недовольным клиентом толпа решила, что проще и дешевле убить двух катал, чем требовать с них компенсацию за больные животы.

До закрытия нода оставались считанные секунды — точка перехода уже практически растаяла в воздухе и ее расположение скорее угадывалось. Торговка в последний момент успела проскочить в сворачивающийся кусочек реальности. Спустя пару мгновений телепорт выплюнул ее в печально знакомом месте.

На этот раз там было возмутительно тихо. Недостаток шума в «предбаннике», с лихвой компенсировало светопреставление в колдовском

склепике.

Из коридора были видны разноцветные вспышки, и периодически гроыхали молнии. Для полноты картины не хватало только демонического смеха и крика молоденьких девственниц.

Ядро снова потеплело. В ответ на это из комнаты раздался новый грохот.

— Да успокойся ты! — раздраженно проскрежетал Иной — Придержи его крепче, я вколю еще одну заморозку.

— Вяжак! Хозяин, осмелюсь напомнить, что исследования надо проводить на живую, чтобы видеть ядерную реакцию и вычислить наиболее возможные варианты формирования силы.

Неужели этот недомерок все — таки развел цирк с так называемым оживлением Сирены Альмандины? Интересно было бы глянуть на самого двойника.

Ответом колдуну был лишь слабый стон.

— Живучий же гад! — помимо воли восхитилась чвырочка — Другие на его месте уже бы раз пять подошли.

— Гатио был прав — Селка подошла ближе и заглянула в небольшую щелочку. — Все из — за того, что он сумел разбудить истинную душу камня. Да и тело зверя тоже сыграло не последнюю роль.

Иной нагнулся за каким — то инструментом и

Селка зажала рот, чтобы не закричать. Перед колдуном, на небольшом возвышении, лежало тело Алекса.

Глаза гемма были плотно закрыты, а руки беспомощно скрещены на груди, словно пытались вырвать погруженную в ядро страшную шипастую штуку.

Из боков штуковины шли длинные провода, по которым бежала разноцветная геммская лифа — с одной стороны — светло-зеленая, с другой — насыщенно — фиолетовая.

Проводки крепились к какой — то жуткой машине, которая поровну делила лифу на две колбы. Конструкция чем — то напоминала пробный вариант самогонного аппарат для бедных, который они в свое время пытались запатентовать на пару с Авиком.

— Усилить подачу энергии!

Птица деловито ударила лапками по небольшим рычажкам. Черная дрянь зарылась в камень охотника еще больше. Тело Алекса выгнулось, а глаза его открылись от шока.

Альмандин потянул торговку вниз. Именно так обычно камень предупреждали о скорой смерти оправы.

— Может, наконец, покажешься? — все тем же ровным голосом спросил колдун — И сама увидишь, что натворила?

Играть в прятки было бесполезно. Кетаналька сглотнула и вышла из своего укрытия. Вблизи вид лежащего без сознания охотника был еще ужаснее.

Всю грудную клетку юноши покрывала лифа, которая продолжала прибывать из развороченного ядра. Она опоздала.

Глупо даже пытаться противостоять Иному, когда с ним — вся мощь собранных камней, пытаться спеть над такой раной — еще глупее.

— Так вот ты какая, Сирена Альмандина. Как я и предполагал — ты ничем не отличаешься от всех кукол, выращенных Стратой.

Колдун поменял пару рычажков местами. Алекс снова дернулся и беззвучно открыл рот. В голове у Селки раздался полный боли крик.

Это и придало ей какой — то странной решимости. Героически погибнуть? Ну уж нет! Как говаривали у нее на Родине, «Тольки опосля вас!»

— Пытаешься помочь своей ненаглядной оправе? — в глазах старого поганца читалось нескрываемое торжество — Бесполезно! Очень скоро вся его лифа будет моя, а ты, так и быть, можешь забрать тело!

Селка действительно попыталась напеть себе под нос простенькую частушку, чтобы хоть как — то стянуть края раны. Бесполезно. В Кетанале охотник бы нехило поднялся как почетный донор.

Иной продолжал наблюдать за раной и

мимоходом кинул в нее простенькое заклинание, гасящее способности. Селка почувствовала себя еще гаже, чем в кетанальском храме, во время воззваний полусвятого Бурика. Коллега Авика всегда окуривал помещение своей любимой травой до такой степени, что слушать проповедь без смеха было просто невозможно.

Альмандин нырнул под кожу, напрочь отказываясь «фурычить». Иной удовлетворенно кивнул и вернулся к работе.

Что странно, вся паника куда — то улетучилась, сменившись привычным состоянием «Помирать так с музыкой!». Ситуация все больше и больше напоминала ей особняк родимого Дона Ломбарди — и сейчас, и тогда, клиент заранее знал, что живой она не выйдет. Так зачем тогда рвать задницу и пытаться кому — то что — то доказать? А вот хорошенько нагадить напоследок — так это мы мигом.

— Молчишь? — колдун расценил поведение кетанальки по — своему — Да что вы вообще можете, без своего Стратума и своих Оправ? Вы просто куклы, которых используют, а потом выкидывают на помойку. Разве с тобой было не так?

— Таки так — не стала отпираться кетаналька, оценивая разглядывая помещение — Ну выкинули и выкинули, ну потрепали малек

перед этим, так шо тоди, прикажете ложиться и помирать? Ну поболело немножечко, но завсегда ж можно подняться и идти дальше!

Последняя фраза была нагло стырена из проповеди полусвятого Авриима, которой он обычно вразумлял безнадежных алкоголиков.

Пользуясь тем, что Иной переключился на подсчет каких — то цифирек, Селка прошлась мимо постаментов с камнями.

— Идти дальше? — колдун глухо рассмеялся. Смех торговке решительно не понравился. Нормальные люди так не смеются — Тогда почему она не встала? Скажи мне, Альмандина, почему?

Кетанальке не надо было оглядываться, чтобы понять — клиент начинает заводиться, а значит рано или поздно — сам и накосячит. Ее же дело — подкинуть дровишек в топку.

— И кто у вас тама не встал? — Селка продемонстрировала живейший интерес к проблеме собеседника.

Параллельно с этим она попыталась дотронуться до желтого пульсирующего камушка, но встретила на своем пути только холодное стекло. Ребе Шинкерман только сейчас вспомнила, как Иной защищал свою коллекцию и как шибануло током бедного Авика, когда он попытался незаметно слямзить один из брюликов.

На нее защитное поле отреагировало по —

другому. Стекло потеплело и попросту растворилось под умелыми торгашескими пальчиками. По инерции торговка чуть не стукнулась лбом о тумбу. Освобожденный камень засиял еще ярче.

Ребе Шинкерман воровато оглянулась, но колдун был слишком занят тем, что доставал из машины вредного попугая, которому приспичило сунуть туда клюв. Пожелав птичке долгих лет жизни, девушка поспешила отойти от компрометирующей тумбы.

— Она была не такая! — пернатому пакостнику поддали ногой под хвост — Она решила пожертвовать собой, чтобы вы могли жить, а что в итоге? Все ее старания были тщетны, ее просто смело потоком силы в этой проклятой пещере.

То, что получилось с топазом, прекрасно прошло и с изумрудом. Стекло осыпалось, освобождая камушек из плена.

Ярко — зеленое ядро радостно подпрыгнуло и уткнулось кетанальке в руку. Селка машинально отбилась от маленького самоцвета, не осознавая, что в данный момент дает оплеуху чьему — то сердцу.

Камень обиженно сверкнул и- торговка готова была поклясться последней премией — недовольно заворчал. Это что за бред? Мертвые ядра не могут

слышать и мыслить. Извлеченные из тела, они становились не более, чем обычными самоцветами, только очень качественными, а здесь — нате вам — полный концерт с оркестром. Либо обладателя этого камня убили как — то неправильно, либо...

Стремясь подтвердить свою догадку, кетаналька поспешила к сияющему аметисту. Вместе с этим она не забывала увлеченно поддакивать, дабы у колдуна не возникало соблазна оглянуться и проверить, чем занимается его якобы лишенная последних сил гостя.

— Так а шо она? — уточнила торговка, без особой радости вызволяя из плена ярко — малиновый камень с большим количеством резных граней. — Потопла в той пещере чи як?

— Ты меня вообще слушаешь? — вознегодовал маг, обиженный столь наплевательским отношением к его горю — Она не топилась!

Селка криво ухмыльнулась. Клиент был практически «тепленьким».

— Я извиняюсь! Ви таки не стесняйтесь, продолжайте! Я туточки просто через ваше заклинание немножко на голову хворая стала, шатает меня нешта! Так шо за фемина то была?

Аметист хитро извернулся и уколол руку. Это было неудивительно, если вспомнить, какой сволочью был его хозяин.

Иной помимо воли удивленно присвистнул. Он ожидал слез, истерики, да чего, угодно, однако алмандиновая мыпра повела себя согласно статусу — отнеслась к своей оправе как к разменной монете.

Однако момент был упущен. Нежная и ранимая душа злодея ² не вынесла такого беспардонного отношения к своей душевной травме и продолжать рассказ у Иного не было никакого желания.

Колдун перевел взгляд на мигающий перед ним экран. Начинаясь самый важный этап — синхронизация камней и единый выброс силы.

На темном полотне привычно замигали разноцветные точки. Сапфир, берилл, гранат, стоп... Что за?

На месте пяти или шести камней сияли огромные дырки. Позабыв о вздорной кетанальке, Иной мигом прирос к экрану, с ходу пытаюсь вычислить отсутствующие ядра. Нет, он точно убьет этого попугая или же...

Колдун бесшумно обернулся. Так и есть — кетанальская, хотя нет, какая она кетанальская —

² А вы думали иначе? Все злодеи обладают нежной и ранимой душой, даже когда вонзают вам в живот обоюдоострый меч.

альмандиновая зараза снимала защитные барьеры с той же легкостью, с которой открывала в своей краме просроченные помидорки.

Защита, способная выдержать прямое попадание драконьего пламени, осыпалась под мерзкими пальчиками как отлитый из сахарного сиропа стакан в руках умелого фокусника.

Освобожденные ядра чхать хотели на своего прежнего господина. Сияя и кружась, они приветствовали свою истинную хозяйку.

— Ты что творишь? — в руках колдуна материализовался смертоносный сгусток миниатюрной черной дыры.

— Та ви таки не отвлекайтесь... — ой! — торговка в последний момент успела отскочить в сторону, благодаря все тому же изумруду, который плюнул в нее каменной крошкой.

Следующий темный шар пришелся аккурат в то место, где мгновение назад была ее голова. Селка пригнулась, благословляя неповторимую ребе Лутовман. Ничто так не способствовало развитию реакции, как работа, где в любую секунду в твою голову могли кинуть трехлитровой банкой.

Сирена Альмандина ловко присела на корточки и поспешила затеряться среди мерцающих столбиков. Колдун вскинул руки, поднимая все тумбы вверх.

Девушка испуганно крикнула. Места для

пряток больше не осталось, а на нее уже летело черное торнадо.

В раскрытую руку что — то настойчиво уткнулось. Неугомонный изумруд рвался в бой.

Жрица схватилась за сверкающее ядрышко, камень резко рванул влево, утаскивая ее за собой. В комнате раздался коротенький треск, который обычно бывает от удара тупым мечом о камень. Когда Селка рискнула открыть глаза, в ее руке осталась лишь кучка зеленой крошки.

— Стерва! — Колдун с ненавистью дул на обожженную руку. — Ты такая же как и они. Вышвырнуть для тебя чужую жизнь, все равно, что сменить платье!

Тут Иной сильно промахнулся. Платья ребе Шинкерман отродясь не носила. Пачкаются сильно, да и бегать неудобно.

Частички рассыпавшегося изумруда продолжали кружиться в воздухе.

— Так было и с Диальмой — маг не сводил взгляда от мерцающих пылинок- Она просто растаяла! Прямо на моих глазах! А что сделали они? Они просто развели руками и поставили тебя на ее место!

— Альхруст, гемм хрустала, то вы? — Селка наконец поняла, почему эта перекошенная рожа всегда казалась ей такой знакомой. — Так вы ж навреде тоже убились в тот день!

— Как видишь, нет! — Иной издевательски оскалился.

— И теперь вы таки хотите сделать всем оставшимся в живых геммам очень весело, да?

Общение с великой героиней не прошло даром. Кетаналька с уверенностью могла сказать, что разговаривает с отступником традиционным, страдающим — злодейской личностью, отличающейся невероятно тонкой душевной организацией и не менее тонким мозжечком.

— Смеяться буду я! — в лучших традициях злодейских речей изрек колдун — Когда все оставшиеся в живых геммы захлебнутся собственной лифой.

— Ну вот, а сейчас вы таки засмеетесь и вознесете руки к небу!

Иной закашлялся, усиленно делая вид, что просто потягивается.

— Ты права, пора заканчивать с этим цирком, но перед этим...

Колдовская скотина замысловато махнула рукой. Тело Алекса рухнуло на пол. Охотник глухо застонал. Страшное устройство еще сильнее вгрызлось в его грудную клетку.

— А наш любовничек оказался живучей тварью. Даже в таком состоянии он до сих пор тебя зовет. Верее, не тебя, а ту — другую.

Словно в подтверждение его слов, по комнате

прокатилось тихое и молящее «Сирена!»

— Да заткнись ты — хрустальный поддон с силой ударил охотника по лицу, отчего тот снова потерял сознание.

А вот этого Иному не следовало делать. Селка на мгновение застыла. Плевать! Плевать, на все гасящие силу заклинания, плевать на то, что она выйдет отсюда вперед ногами! Плевать! Теперь она будет убивать.

Разноцветная бриллиантовая какофония разом куда — то исчезла, словно на голову ей накинули кеемское покрывало. В этой темноте осталась только она да маленькая сверкающая дорожка, которая вела напрямиком к Иному.

Колдун наклонился над бездыханным телом, собираясь избавить беднягу от страданий. То, что было дальше, ребе Шинкерман помнила довольно смутно.

Какая — то зараза рванула перед глазами световую шашку, а в ухо как будто вставили сверло.

Черепушку словно разорвало изнутри, казалось, еще пару секунд и голова просто лопнет от внезапно накативших на нее ядерных волн.

Песня, первая настоящая песня за последние три года, вырвалась из горла хриплым карканьем, как будто бы торговка кашляла ножами. Острый и пронзительный звук моментально настиг Иного и

сбил того с ног.

Альмандина не успела обрадоваться, как следом скрючилась в три погибели. Противник оклемался довольно быстро и ударил в ответ.

Второй удар пришелся прямо в многотрадальную головушку, и ребе Шинкерман красиво упала на одно колено. Сотлисса бы про это наверняка написала что — то вроде «Она упала подкошенной березкой к его ногам, а ей было всего шестнадцать...» Это было последним, о чем она успела подумать, до того, как ее голову прошили раскаленной иглой.

В данной ситуации, как и в случае с продуктами ее магазина, лучшей стратегией было «Не держи в себе!». Мало задумываясь о том, что творит, торговка оглушительно рявкнула в ответ.

Колдун упал ничком. И почему она не додумалась об этом раньше?

Оставив бесполезные попытки подняться, жрица плюхнулась на четвереньки и бодренько подползла к охотнику.

Оставшиеся без присмотра камни веселились вовсю. Они подскакивали на своих тумбах, пробивали защитные барьеры и плевались разноцветными искорками.

Иной с трудом разлепил глаза и поднял голову. Увиденное мигом вернуло старого засранца к жизни.

Из каждого самоцвета вылетали длинные лучи. Подлетая к телу кетанальки, они опутывали его плотным коконом. Колдуну стало дурно. Труд его жизни, его тщательно планируемая месть... Допустить ее крушения он не мог.

Маг стянул к себе все оставшиеся силы и что — то прошептал. Один за другим, камни начали растворяться в воздухе вместе с тумбами.

— Куда, зараза? — Селка силилась встать, но пока ее хватило лишь на то, чтобы красиво сползти по стеночке.

Колдун не ответил. Он сильнее сжал руки и быстро двигал ладонями, словно пытался скатать воздух в небольшой снежок.

Именно так Ниннелька поступала со всеми жалобами, поданными в письменном виде. Что происходило с несчастными, которые имели наглость опорочить ее заведение, людям лучше было не знать.

Внезапно маг с силой хлопнул в ладоши и растворился в воздухе, следом за громадной самоцветной конструкцией. Селка из последних сил попыталась ухватить хоть один самоцвет, но тот выскользнул из рук как призрачные мечты о зарплате.

Алекс глухо застонал. Вид у него был просто паршивый. Светло — зеленый цвет лица неплохо гармонировал с цветом ядра и вытекающей из него

лифы...Тьфу! Выискалась тут, эстетка, пальцем пиханная!

Селка тщетно пыталась сообразить, что ей делать дальше. Авик предложил бы похоронить.

Ну нет, это она всегда успеет. Ей было решительно все равно, куда делся этот задрипанный клоун со всеми брюликами, главным сейчас был Алекс.

Лифа уже не булькала как забытый на огне суп, а вытекала ровными струями. Селка попыталась вытянуть засевший в ране шип. Алекс открыл глаза и попытался что — то сказать.

Торговка прильнула ближе.

— До — бей меня!

Селка перестала тянуть шип.

На руках у нее еще осталось немного изумрудной пыли. Торговка стряхнула ее с ладоней. Пару кусочков попали прямо в открытую рану.

Внезапно края разорванного ядра вспыхнули и лениво начали подползать друг к другу, а торговку осенило. Изумруд и Александрит были камнями одной штольни!

Теперь закрепим это небольшой распевочкой, и дело в шляпе. Подойдет что — нибудь простое вроде.

— Жизнь моя жестянка

Да ну ее в болото!

Алекс открыл глаза снова.

Селка радостно всмотрелась в его лицо.

— Тебе лучше?

— Сел-ка, я просил добить меня быстро, а не так...

— Ну уж извиняйте! — торговка вплела в мелодию пару усыпляющих трелей — Чтобы больной не мешал лечению.

Временное геммское пристанище в городе Бульплеска...

— Нет, это совершенно невозможно! — прелестный блондинчик горестно заломил бровки и наконец — таки соизволили опустить на трон свое драгоценное седалище.

Посол дружественного Имгадьда — единственной страны, где еще верили в существование Драгграда — счастливо замотал башкой. Он вообще слабо понимал, что происходит.

Получив послание от геммского правителя, имгальдский вождь сперва хотел использовать его для отхожего места, однако был вовремя остановлен главным пекарем, у которого как раз закончилась береста для растопки печек. Пекаря, в свою очередь, остановил главный шаман, у которого как раз кончилась бумага для его ритуальных махорок.

В это время у шамана гостил один путешественник, который худо — бедно знал геммский. Путешественник курил махорку с пяти лет, поэтому ему казалось, что знает все языки Скального мира.

Путешественник перевел писульку дорогому вождю. Благородный Крик Трясогузки в Дождливую погоду внимательно выслушал иноземного гостя, после повелел снять с него шкуру и выменять на рулон туалетной бумаги.

Потом вождь подошел к ритуальному костру, сунул свиток в руки первому попавшемуся соплеменнику и сказал:

Катанга ма катанга!

В переводе на коммон это означало:

«Твоя синяя рожа мне надоела больше, чем развивающиеся груди моей троюродной бабушки. Послом будешь!»

Соплеменник знать не знал, кто такие послы, но название ему понравилось, и буквально через неделю он уже был во Временном Пристанище драгградского правителя³ и диву давался, как люди могут позволить себе такую роскошь.

³ Чьем местоположение, как правило, совпадало с временным Пристанищем того города, куда регент отправлялся делать покупки.

К приезду посла тронный зал основательно прибрали, однако от этого он не перестал напоминать помойку.

Аполло обессилено откинулся на шелковые подушки. Как же ему все надоело. Единственными, кто еще верил в возрождения геммского народа, были дикари, которые только вчера научились пользоваться ложками. И то после часового разъяснения.

— Ваше сиятельное сверкательство! — Бир неуверенно прокрался в тронный зал. Как ни странно, на этот раз бирюзовый живчик именно «прокрался» ибо задницей чуял — заварушка назревала серьезная.

— Я слушаю тебя — сиятельный монарх легким движением руки откинул отросшую челочку. По его мнению, этот жест выглядел невероятно величественно. По мнению окружающих — откровенно педиковато.

— Ваше сиятельное сверкательство! К вам придворный маг Гатио с...

— Не беспокойтесь, я представлюсь сам! — перебил его холодный властный голос.

Произошло чудо — бирюзовый непоседа скис и послушно отступил в сторонку. Опаловый гемм напрягся. Впервые на его памяти несносный гонец проявлял к кому — либо такое почтение. Даже ему, законному регенту, и то он часто плевал на трон,

когда думал, что тот не видит.

От вошедшего следом человека буквально веяло могильным холодом и полным отсутствием оригинальности. Одет он был в длинную черную мантию с капюшоном, которой недоставало только таблички «Вот он я, злобный злодей!»

Следом за ним на почтительном расстоянии шагал Гатио. Чудеса продолжались. Агатовый гемм не спешил подметать волосами пол, чего уж там — даже не глянул в сторону своего драгоценного повелителя.

— Что вам нужно, господа? — Аполло постарался произнести это с максимальной солидностью, пытаясь унять предательски дрожащий голос.

Что это с ним такое? Кто такой этот мужик, что при виде него хочется зарыться по самый нос в подушки и плевать, сколько колючек вопьется в набеленное личико?

Человек в мантии тем временем помотал капюшоном, оглядывая зал. Как раз в этот самый момент в заднице регента заиграла монаршья гордость.

— Потрудитесь открыть лицо в присутствии коронованной особы — его сиятельство капризно копнул ножкой — А также представиться и поприветствовать короля как полагается!

Имгальдцу черный господин мигом напомнил

знаменитого Брахнатаколя — имгальдского покровителя мужского плодородия. С последним у посла были большие проблемы и он тотчас поспешил умастить разгневанное божество.

Туземец скинул плащик, оставшись лишь в одной набедренной повязке и, потрясая ножными браслетами начал прыгать вокруг недоуменно замершего колдуна.

Движения посла были красноречивее некуда. Упрекнуть беднягу было не в чем — он с ювелирной точностью скопировал танец самца гориллы в брачный период.

— Гатио, у вас всегда так? — Иной следил за движениями танцора с небывалым интересом. — Гатио, прекрати отплясывать и потрудись ответить на мой вопрос!

Геммский маг был личностью увлекающейся. Иной не успел и глазом моргнуть, как справа от него танцевал второй «павиан».

— Гатио, что это значит? — нерешительно вякнул его сверкательство — Потрудись объясниться!

Капризный тон опалового чистоплюя начал выводил колдуна из себя. Иной повернулся и решительно откинул капюшон.

Желание зарыться в полушки невероятно усилилось. А еще появилось желание вырыть вокруг подушек окопы и выставить

оборонительные сооружения. Особенно, когда колдун нехорошо сверкнул двумя прозрачными кристаллами, вшитыми прямо в щеки.

— Кто вы? — Аполло слабо пищал. Что вам нужно?

— Холодные пики, сверкающая лунная гладь...

— Твою мать... — в рифму простонал Гатио, в порыве танца нечаянно наступив на любимую мозоль.

— С меня довольно этого цирка! Стража!

Как хорошо, что верные охранники всегда были рядом. Хоть иногда и поджигали край его плаща, чтобы повеселиться.

За тронем послышалась привычная возня. Аполло самодовольно улыбнулся, однако спустя секунду сдавленно ойкнул — с обеих сторон его схватили в жесткие тиски.

— Что это значит? — благородный опал изобразил высочайшее удивление — Что за идиотские шуточки?

На шутника мужик в мантии походил меньше всего. Скорее — на какого — нибудь гробокопателя. Колдун равнодушно наблюдал, как его сиятельное сверкательство проволокли по всем ступенькам и швырнули ему под ноги.

— Что вы себе позвол... — регент заглянул в лицо одного из охранников и содрогнулся. На него

смотрела застывшая маска с пустыми глазами, напоминающая его покойную тетушку.

— Какие будут приказы, господин? — безжизненным голосом спросил Тюр.

— Бросьте его в темницу — лениво ответил Иной — После, вы вдвоем — сразу ко мне!

— Что? Гатио, как это понимать?

Отплясывающий гемм остановился и в упор глянул на бывшего правителя.

— А то и значит, ваше сверкательство! — в голосе мага не было ни намек на его вечное подобоострашие — Свергнули мы тебя!

— Что? Да я — законный правитель Драгграда, муж сирены Альмандины...

— Муж — у Иного помимо воли вырвался истерический смешок — Тогда тебе будет приятно встретиться со своей супругой. Не нужно сажать его в темницу. Выбросьте на первом же открытом ноде и возвращайтесь сюда!

— Будет сделано — если бы Иной приказал стражникам повеситься, они лишь уточнили длину веревки и вид дерева.

Бравые воины удалились, уволакивая за собой вопящего о беззаконии монарха.

— Повелитель — Гатио торжественно опустил на одно колено — Драгград ваш, как я вам и обещал.

В глаза агатового гемма сияло неприкрытое

торжество и полная готовность следовать за своим новым господином.

— Ты сослужил мне хорошую службу, Гатио — задумчиво изрек Иной, разглядывая новые хоромы — И она станет совсем неоценимой, если ты окажешь мне еще одну услугу...

— Какую, господин? — агатовый гемм чуть ли не вилял хвостом.

Колдун в упор глянул на него.

— Выпроводи вон этого недоумка — непреклонным тоном сказал он, кивая на бьющегося в экстазе имгальдского посла — Иначе я за себя не ручаюсь!

Глава вторая

В которой возвращается Сирена Альмандина, только об этом пока еще никто не знает

Логово Иного...

В последний раз охотник испытывал подобное, когда они с Зирхом решили рискнуть и все — таки попробовать «совершенно безобидный» синенький грибочек.

Грибочек оказался вполне себе ничего, а вот

то, что было после...

Очнулся он тогда только спустя два дня, в окружении узкоглазых синих варваров, которые водили вокруг него хороводы. Сейчас же тело ломило так, будто бы варвары на нем хорошенько потоптались.

Глаза открылись примерно с третьей попытки. Охотник пару мгновений созерцал темный потолок, пытаясь угадать, куда его занесло на этот раз.

Взгляд скользнул немного ниже, отмечая сероватые стены и сваленную в углу кучу хлама. И тут его осенило — последний камень, Иной, драка... Получается, он умер?

Глаза его наткнулись на дремлющую у стены Селку...

...И попал в Преисподнюю.

Кетанальская шидобля тихонечко дремала, не подозревая о своем истинном предназначении. Уловив шорох, она тут же встрепенулась и протерла глаза.

При виде целого и невредимого гемма ее лицо озарилось такой неподдельной радостью, что тот сразу пожалел, что умер настолько быстро. Он бы многое отдал за то, чтобы вернуться на Скалу хотя бы для того, чтобы попрощаться с этими ненормальными, а в особенности — с этой несносной торговкой, от которой не было спасения даже после смерти.

От последнего пристанища Алекс ожидал гораздо большего. Вокруг не было ни котлов, ни пришедших по его душу инферналов. Хотя, кто знает, вдруг это что — то вроде предварительного этапа, чтобы сразу не травмировать тонкую душевную организацию трепетного злодея.

— Алекс! — «подземный дух» оправилась от шока и кинулась ему на шею. Точно, это мир духов. В реальности бы ребе Шинкерман первым делом спросила про завещание.

— Селка? — он нерешительно обнял торговку. Собственно говоря, какая разница, если он уже умер?

Помимо воли в голову начали прокрадываться весьма занимательные мысли. Раз он уже умер, по-хорошему кетанальку можно было и не только обнять...

— Живой, засранец!

— Как, живой? — Последняя фраза сыграла роль пресловутой губозакаточной машинки. Гемм мигом разомкнул такие уютные объятия и, совершенно по — дурацки смутившись, уставился в пол.

— А шо, вам таки не нравится? Так то быстро можем исправить! Так сказать, любой каприз за гроши клиента!

— Да нет, с этим пока повременим. — Алекс вспомнил все — беднягу Апфи, его «прощание» и

Иного, который его...убил?

Охотник перевел взгляд на ядро. Александрит сиял идеально ровными гранями, лишь только сбоку на нем виднелась небольшая царапинка. Не прошло и пары секунд, как и она затянулась.

— Шо, таки до сих пор не верите?

Охотник обалдело потряс головой и задал вопрос, который бы более уместно звучал в устах полусвятого Авриима.

— Селка, а что... вчера было?

— Алекс, я, конечно, дико извиняюсь, но... ви туточки с вашим Иным лампадили, чи шо? Так могли б уже и Авика позвать, шо ж так человека кидать?

— Нет-нет — отрицательно потряс головой охотник — Я просто...Селка, а как ты меня нашла?

— Ну, вас таки не было вже добрый час, ну, мы ж таки за вашу работу знаем, подумали, шо на дело пошли да отпустили с миром, а сами спать легли. А потом посреди ночи прилетает кура эта оглашенная и начинает глотку драть, шо, дескать, хозяин его немножко с ума сошел. Ну мы с Авиком жребий кинули — он остался дежурить у Зирика вашего увечного, а я побегла разбираться.

Рубик мне таки показал, гиде эти ваши лужи светящиеся появляются, одна как раз рядышком от нас была. Ну я и прыгнула и туточки оказалась. Смотрю — пустота, стены голые и вы лежите. А я в

ж пока бегала, запыхалась як тот мамкин грак, шоб я так жила. Вижу, шо ви сопите себе в две дырочки, та тоже прикорнула. Так а шо было — то? Иной ваш переехал куда, а денег не оставил?

— А... — Лицо охотника приобрело выражение удивленной брюквы. В магазине ребе Лутовман овощи жили настолько долго, что некоторые начинали обладать человеческими эмоциями- Ты не помнишь, как выглядело мое ядро? Оно было целым?

— Алекс, ви шо, таки головой ударились? Вы ж таки сами казали, шо если у гемма ядро разбить, помрет он?

Охотник молча кивнул. Получается, Иной действительно сошел с ума, а потом, когда почти его убил, одумался? Прихватил с собой камни и сбежал? Тогда где же...

— Селка! — от неожиданности торговка подпрыгнула — Селка, когда ты меня нашла здесь кто — нибудь еще был?

Ребе Шинкерман отрицательно покачала головой.

— Никого, шоб я так жила!

— А, Сирена?

— Шоб она была здоровенькая! — торговка закусила губу, чтобы не сказать это вслух. За всей этой беготней она совершенно забыла, что по-хорошему, в комнате должен был находиться еще и

аккуратный гробик со спящей там красоткой. А что, если признаться прямо сейчас и гори оно все огнем?

Альмандин в ее груди радостно потеплел. Кетаналька перевела взгляд на охотника и... поняла, что не сможет сказать правду. По крайней мере, сейчас.

По молодости у нее как то выбили глаз, но ребе Шинкерман была не слепая. Она прекрасно видела, *как* он это спросил и как горели его глаза. Прямо как у Авика, когда он перепутал компот с жидким фосфором.

Алекс расценил ее молчание по — своему.

— Он...ее убил?

Хватит! У нее еще осталась последняя совесть! Она скажет ему. Здесь и сейчас!

— Нет, Алекс, таки понимаешь, шо...

— Стой!

Селка замерла, радуясь возникшей отсрочке. Алекс резко перегнулся через ее ноги и с силой прижал рукой что — то мелкое, словно боялся, что оно ускачет.

— Ой, а шо там?

Вместо ответа охотник предъявил ей крохотный прозрачный кристалл. Лицо у него было при этом такое, будто бы он выиграл миллион звездно — полосатых баксиков.

— Ты знаешь, что это?

— Неееэт- уныло протянула ребе Шинкерман, делая пометку под названием «побиться головой об стенку» в списке сегодняшних дел.

Зараза! Надо же было так по — дурному проколоться. Развесила нюни и даже за собой не убрала. Как дите малое, честное слово.

— Это — Алекс держал капельку как святыню — Слеза Альмандина.

— И шо? — гемм даже не мог предположить, что торговка сама могла прочитать целую лекцию о происхождении этой дивной субстанции, а также треснуть себя по голове, чтобы предъявить парочку новых образцов.

— Это — капли, которые оставляют Альмандиновые ядра после сотворения магии. Селка, ты понимаешь, что это значит?

— Шо у меня нет мозгов — ответила про себя торговка.

— Она жива! И она меня вылечила. Да! — Охотник возбужденно поднялся- Разум Иного затуманила сила собранных вместе камней и он меня ранил. А потом, как он и обещал, камни оживили ее и сделали прежней. Она помогла ему вернуть разум и меня поставила на ноги...

Селка слушала этот бред и недоумевала — как это великая героиня могла пропустить такое талантище? Хотя, если не знать всей истории, речи охотника вполне могли сойти за правду.

От такого количества силы колдун совершенно спокойно мог бы поехать мозгами, а краса — девица — открыть глазоньки, вылезти из гробика и сделать нехорошему дяденьке ата-та. Вот только...

— Так а сейчас таки она куда девалась? — ребе Шинкерман совершенно искренне желала услышать продолжение истории.

— Понятия не имею — На этом месте стройная геммская теория дала осечку. — Селка, можешь мне поверить, если бы с ней что — нибудь случилось, то капли были бы цвета крови и... — охотник прикрыл глаза, к чему — то сосредоточенно прислушиваясь.

Ребе Шинкерман мигом осознала всю тщетность своих так называемых моральных терзаний. Если она поняла все правильно, то Алекс сейчас сверкнет и буквально через секунду слеза станет красненькой, а у ног Алекса будет остывать кетанальская тушка.

— Странно — удивленно пробормотал охотник — Я чувствую пульсацию ее ядра, но оно все еще закрыто для меня. Селка, она не могла далеко уйти, давай проверим окрестности.

— Давай — кетаналька даже не слышала вопроса, занятая прослушиванием собственного камня. За то, что ему хватило ума помалкивать, верховная жрица была готова его расцеловать.

Охотник, невзирая на то, что буквально час назад умирал, бодренько почесал к выходу. Чувствуя себя полной дурой, торговка тащилась следом.

Перед кетаналькой встала невероятно сложная задача. Ей предстояло найти саму себя

Необычный город Цынгь-Цыньи, совсем обычное утро...

— Я тебе говорю — у них любовь! — великая героиня изящно взмахнула перышком, ставя на свиток парочку клякс.

— А я тебе говорю — они просто трахаются! — Сандра смотрела на вещи более реально.

Девушка раздраженно отмахнулась от ненавистой бжилки. Насекомое ловко ушло от удара и мстительно села на поверхность бутерброда, который геммка только что собиралась укусить.

Вымазавшись в варенье, мерзкое насекомое спланировало на стол и вычертило на нем «Стыдно думать такое о собственном брате!»

— Стыдно людям завтрак портить. — послушница с неохотой встала из — за стола и направилась в сторону хлебницы.

Крестовый поход за пропитанием был прерван

распахнувшейся дверью, которая явила предмет самого спора.

Парочка развратников, явно не ожидала такого приема и даже не потрудилась привести себя в приличный вид. Кетаналька выглядела так, будто бы на ней водили хороводы, зато охотник сиял, словно, ни много ни мало, издал свою книгу.

— Явились — буркнула Сандра вместо приветствия, разглядывая братца с недюжинной завистью.

— Доброе утро — жизнерадостно гаркнула ребе Шинкерман, не особо заботясь о том, который час.

Из комнаты, которую занимали Рубен и Димонда, раздалось что — то непечатное. Для них утро резко перестало быть добрым.

— Не пытайтесь заговорить нам зубы — мрачно попросила сестрица, исчезая в недрах хлебницы — Мы все знаем!

Кетаналька буквально подавилась следующей фразой. Знают? Но как, неужели Авичка — засранец не утерпел и проболтался?

Селка беспомощно оглянулась.

— Алекс, я дико извиняюсь!

— За что?

— Действительно — великая героиня грудью встала на защиту светлого и великого чувства — Селка, в этом нет ничего постыдного! Подумаешь, с

кем не бывает!

— Правда? Ви меня таки не прибьете?

— Конечно нет, дурочка! Поверь мне, в партийных походах это — самое обычное дело.

— Спасибо — ребе Шинкерман ошарашено кивнула, припоминая, что в каждом геройском эпосе всегда находился какой — нибудь засранец, который путешествовал под чужим именем. Ну раз и у великих героев такое случается, тут уже сама Криатура велела.

— Да не за что! — амазонка успокаивающе махнула рукой и ехидно покосилась на александритовую гемму. — А она так беситься, потому что тоже хочет, а эта дрянь летающая запрещает.

Селка наверняка сказала бы в ответ что — нибудь умное, если бы ее хорошенько не пнули. Дверь снова открылась, во всей красе являя крайне недовольного полусвятого Авриима.

— Здрате! — ядовито процедил он — Ну шо, таки расскажите, гиде гуляли, или, как всегда, зробите тайну, покрытую мраком?

— Они во всем признались — просветила его Сандра, поднося ко рту новый бутерброд — Любовнички хреновы!

Бжилка перепорхнула на новый ломоть. В монастыре подрастающее поколение воспитывали голодом.

— Думай, что говоришь! — Алекс слегка повысил голос — Мы Сирену искали!

— Да шо вы таки говорите?

— Ах, теперь это так называется! — мигом поддакнула ему Сандра — И как, много раз нашли?

— Сирену? — разочарованно спросила героиня, мигом утрачивая весь интерес к истории. — Это которая баба с камнем, которая Альмандина?

— А вы шо подумали — то? — Селка с удивлением покосилась на аватора, но тот лишь презрительно выпятил губу и отвернулся.

— Что вы предаетесь разврату в вечерней тиши в зарослях раскидистого цынгь цынгьского олууна. — Сотлисса с неприкрытым сожалением зачитала только что написанные строчки и безжалостно их перечеркнула. Правда была превыше всего.

— Да вы что! — охотника на всякий случай встал подальше от торговки.

— Ой, да ладно заливать — просто ответила Сандра, расставаясь с надеждой на нормальный прием пищи. — Пришел довольный такой, прямо сияешь!

— Да нет же! Просто... — охотник откровенно замялся, стесняясь такого пристального внимания к своей злодейской персоне. Теперь, когда первая радость прошла, он вспомнил, каким

образом добыл последний камень.

— Алекс таки оживил свою Сирену — поспешила поделиться радостью ребе Шинкерман. — Но магик этот совсем слетел с катушек и чуть ли не нарисовал ему веселую жизнь. И шо ви таки думаете — Сирена эта, шо под колпаком, ожила, вылечила героя нашего, только вот сама дала деру!

В тот же миг Селка приняла для себя единственно, как ей казалось, верное решение. Пусть думает, что она жива. Если это делает его счастливым, она будет молчать.

— Как интересно — в голосе полусвятого Авриима яду было больше, чем во всем магазине Ниннельке.

— Авик, вы в порядке? — обеспокоено спросил охотник — Что случилось? Что — то с Зирхом?

— В самом деле, Авик — примирительно спросила героиня — Ну чего ты так накинулся, сказали же, чем занимались!

В этом было несомненное преимущество в путешествии под началом бравой амазонки. Из — за ее писательского дара, она легко могла принять на веру любую чушь, утверждая, что все было возможно в этой жизни.

— Ой извиняюсь — велеречиво пропел полусвятой — Нешта мне нехорошо, пойду я

прилягу, пока луна не взошла и проклятие не проснулось!

Аватор снова прожег торговку убийственным взглядом и с чувством собственного достоинства утопал в комнату, не забыв демонстративно хлопнуть дверью. За дверью посередине безмолвствовали, лишь было слышно как кто — то бросил в дверь тапком.

— Поздравляю, Алекс — великая героиня душевно потрясла злодея за руку. Подобным жестом амазонки обычно поздравляли своих сестер с первым кастрированным евнухом. — Но как ты собираешься ее искать?

— Спасибо — несмело кивнул охотник, принимая поздравления — Честно говоря, я сам пока не знаю. Когда я попытался позвать ее ядро, камень не откликнулся на ее зов.

— Так почему ты так уверен, что она жива? — в лоб спросила Сандра — Этот Иной мог легко пришибить и ее.

Сестре Альмандина никогда не нравилась и та не стеснялась это периодически демонстрировать.

— Сандра, оправа это чувствует! И я точно знаю — она жива! Просто она меня не слышит.

— Глухая сонная тетеря! Даже после смерти не поумнела! Интересно, с какой радости эта кукла была нужна Иному?

— Как? Ты разве не знаешь? — героиня

оторопело глянула на молодую геммку, не понимая, действительно ли она не знает, или же попросту прикидывается.

— О чем?

— Сотлисса! — упреждающе попросил Алекс, но было уже поздно. Великую героиню понесло.

— У Алекса и Сирены была такая любовь — сказительница мечтательно закатила глаза, а бедный охотник готов был провалиться сквозь землю — Такая любовь, но она, она была смертельно больна и, чтобы ее спасти, Алекс добровольно отдался этому злому колдуну...

— Ты с ним спал? — севшим голосом спросила геммка.

Бжилка разочарованно взлетела под потолок. За третьим бутербродом идти было бесполезно.

— Сандра, что ты такое говоришь? Все было совсем не так! Сотлисса, что вы говорите? Она же вас не знает и примет все за чистую монету!

— Он отдал ему в услужение только тело, но не душу! — амазонка подлила масла в огонь, Алекс взялся за голову. — И исправно носил ему камни все эти три года!

Сандра удивленно захлопала глазами. Из комнаты Авика раздавалось выразительное покашливание.

— Алекс, прости — сестренка проникновенно глянула на охотника — Я, правда, не знала.

У Сандры как будто свалился камень с души. Родной братик оказался не психом и не кровожадной убийцей, а то, что любит эту куклу белобрысую — ну кто по молодости не ошибался?

— Не стоит, Сандра — тихо пробормотал Алекс — Сам виноват, должен был знать обо всем заранее.

Расшаркивания дорогих родственничков вновь прервал сильный кашель, который постепенно переходился в хроническую астму.

— Что это с Авиком? Не заболел ли? — как лидер, великая героиня всегда пеклась о здоровье дорогих сопартийцев. Иначе говоря — амазонка не хотела терять бесплатную рабочую силу.

— Пойду гляну, шо с ним — Селка мигом подскочила и поспешила покинуть дорогую партию.

— Селка, ну как так можно? — ребе Шинкерман успешно увернулась от летящей в нее подушки и нырнула под кровать.

Полусвятой сам не знал, на что именно он больше злиться — на то, что подруга оказалась одной из ненавистных брюликов, или же на собственные слепые зенки.

— Авик, прости!

— Изыди, бесноватая — в сердцах полусвятой таки не удержался и таки шархнул бесогонной

литанией.

Из — под кровати тянулся тонкий дымок. Ребе Шинкерман не подавала признаков жизни.

— Шо, опять звездно — полосатое проклятие заняло? Дык я его тебя счас мигом сниму за здрасте!

— Авичка — залебезило дно — Я таки очень извиняюсь!

Священник промолчал, нервно ковыряя пальцем краешек одеяла. Как будто бы хотел пробурить в матрасе тоннель и добраться до вероломной коллеги с воздуха.

— Авик я правда очень хотела тебе рассказать, но ты когда ж сказал за свою сестру, так я сразу сдулась. Я думала шо ты и меня кокнешь! — Сперва из — под кровати показался изрядно обгоревший чубчик, а после — дико виноватый глаз.

— И как теперь прикажете вас звать — величать? Альмандина Шинкерман, чи як?

При звуке прежнего имени торговку перекосило так, будто бы она на спор съела кузовок творога из своего магазина.

— Ой, Авик, ты таки не думай, шо от вот этого — кетаналька недовольно ткнула в показавшееся ядро — я в таком диком восторге. После того как у меня выросла эта дрянь, у меня по жизни начались одни сплошные мансы.

— То есть как, выросла? Алекс и у тебя его раньше забрал?

— Не, не Алекс, я сама.

— Селка ну хоть сейчас не лепи мне этот дешевый цирк — Авик с негодованием глянул на коллегу и тут его осенило. В день их знакомства, Селка пыталась толкнуть на привозе какой — то камень, так это был...

— Погодь, получается, твой прошлый алмадин...

— Пылится на полке у какого — нибудь богатея! Таки да, я втюхала на привозе собственное сердце.

Авик только присвистнул. Знал бы он, чем это все обернется, обошел бы эту недоделанную эмигрантку по большому кругу. Эмигрантку?

— Так а Андинка?

— Она все знала! Это она нашла меня на берегу, куда меня выбросило после того шмона, шо навел Алекс. Она и придумала эту байку про свою якобы вернувшуюся сестренку. Святая женщина! Если бы не она, я б точно тогда окочурилась.

— *Шо, ничего вже не сделать? — хозяйка дома растерянно смотрит на местного доктора, но тот лишь виновато разводит руками. Старый жмот, какого она ему столько заплатила?*

— *Совсем ничего! Такая молоденькая, а болячек успела нахватать как моя сестрица Фирка*

Шмара. Истощение, переутомление, стресс — лекарь пытался вспомнить как можно больше заумных слов, авось накинует пару лишних монеток — В общем, погиб дитенок!

— Да шоб они все были здоровые! — пятая по счету кружка пролетала в опасной близости от головы компетентного специалиста. Хорошо, что вся посуда в доме была небьющаяся.

— Ну уж извиняйте, помогли чем смогли! — лекарь спешит убраться подальше, даже не думая о лишнем баше. Тут бы голову до дома целую донести.

— Так скажите, а она еще сможет родить?

Молчание и слабое покачивание головой. Ну вот и все.

Сирена горько усмехнулась. Ну что ж, дорогая Альмандина, вы как — то спрашивали у своей новой сестрицы, что такое непруха — так вот, полюбуйтеесь!

Она потеряла все — волшебную силу, голос, любовь, глаз, а теперь — и ребенка. Последнее, что у нее осталось хорошего в этой жизни. Ребенка от того, кто ее действительно любил.

Дочку Алекса.

Их девочку...

И вот, как говорят на новой родине, оно ей надо? Такая жизнь? Шоб да, так нет!

Комнатка вновь начала плясать перед

глазами. Хорошо бы прилечь.

Прилечь и уже не вставать. Не хочу. Так, как там было нарисовано в детских страшилках?

Обхватить ядро руками, с силой потянуть...

В глазах начинает темнеть, а на груди становится мокро. Это выходит ее лифа или же это просто слезы?

Еще дальше, дальше...

Удерживающие ядро трубы лопаются одна за другой.

Интересно, после смерти геммы тоже попадают на Крону или для них там предусмотрено какое — то особое место вроде алмазных штолен или сада камней?

Вместо положенного хора посланцев Криатуры в ушах раздалось гневное:

— Шлимзанутая! Ты шо творишь?

— Дура! — Авик с трудом удержался от того, чтобы не заехать дорогой коллеге по мордасам. — И после этого она мне будет ездить по ушам за силу позитивного мышления и любовь к жизни? Та я б за такое сам бы тебя придушил!

— Ну вот туточки я с тобой соглашусь. После того, как сестрица прочистила мне мозги, я резко полюбила жизнь и прекратила тошнить себе на нервы.

— Да, ребе Андика говорит мало, но говорит смачно.

— И не кажи! Нос до сих пор ноет перед непогодой.

— Так, а как ты жила без этого вашего ядра? Или вы его потом обратно запихнули?

— Ну здрасте! А шо я тогда толкала Марику? Да этот поц подделку чует шо мой дедушка Изя — жареное мясо.

Это было сказано настолько по — шинкермански, что Авик мимовольно улыбнулся, забывая о своем положении обманутого друга.

— Мы пошароебились с этим заразой добрый час, но обратно он таки не полез. За то время я услышала от Андинки за себя много чего нового. И еще поняла, шо помирать мне совсем уже неохота. Так и жила.

— Ты таки хочешь сказать, шо ваши брюлики растут сами?

В голове аватора уже созрел отличный план нового дела. Если камни будут расти хотя бы по одному в год, за пять лет можно скопить столько, чтобы не работать до конца жизни. А если добавить еще и бриллиант...

— Погодь! — ребе Шинкерман безошибочно угадала его мысли, ибо сама частенько об этом думала — Эта пакость начала расти, когда мы снова встретились с Алексом. Сначала я его даже не чувствовала — оно было настолько маленьким. В первый раз оно вылезло, когда мы с Зириком

убегали от этих бобиков в Гилдове.

— А Алексу ты хоть сказала? То ж мучается человек, любит тебя, дуреху этакую.

— Авик, ну шо ты такое говоришь? — Селка усмехнулась, но как — то с горчинкой — Видел бы ты его, как он радовался, когда узнал за то, шо та баба под колпаком ожила! И шо мне счас делать — поймать его и сказать «Шолом Алейхем, здрасте, мамо, то я?» Та он вообще мне прирежет за такие фокусы!

— Дела — озадаченно пробормотал аватор, признавая, что ситуация была тупиковая.

— Авик ты только не кажи никому! Может Иной таки и взаправду оживил ту куклу, так будет Алексу счастье. Или я попробую ей камень вырастить, должно ж получиться!

Аватор посмотрел на дорогую коллегу как на дуру.

— И думаешь, его это таки устроит?

— Ну да! Любимая будет с ним, как он того и хотел. Да и по — хорошему, он это заслужил!

— А тебя?

— А шо я? — в лучших традициях своей родины откликнулась торговка — Когда весь этот кагал кончится, разъедемся мы по домам и усе будет как было. Авик, мы с тобой таки останемся бизнес — партнерами чи мне кого другого искать?

Автор долго и внимательно смотрел на

дорогую коллегу, после неожиданно спросил:

— Селка, ты там башкой нигде в эти дни не стучалась?

— Та не вроде, а шо?

— Дубина! — аватор выразительно постучал себя пальцем по лбу. — Ты ж до него сама неровно дышишь!

— Шо ты несешь?

— Та ты в зеркало глянь! Та у тебе зараз лицо, как будто ты вже купила веночек, а бабуля возьми и вылечись. Селка, ты шо, все так и оставишь?

Кетаналька не стала возражать. Если это заметил даже Авик, отпираться было глупо.

— А шо мне таки делать? — с досадой спросила она — Он любит эту белобрысую, шо в гробу.

— Ой та не кажи! Ты таки просто не видела, какими глазами этот поц на тебя смотрит, когда думает, шо никто не видит.

За пару простых слов торговка готова была просто расцеловать дорого коллегу. Полусвятой все понял и лишь снисходительно улыбнулся.

— Ну шо, таки по рукам? — с надеждой спросила торговка, протягивая руку — Да шоб я сдохла, если еще раз тебя кину, Авик!

— Да шоб я сдох, если тебя кину, Сирена!

— Авик, Селка — дверь распахнулась и на пороге показалась взмыленная героиня — Хватит

миловаться, у нас тут катар... катра... кастра...

— Катастрофа?

— Она самая!

— Шо таке?

— Алекс с ума сошел!

Глава третья

В которой многие персонажи начинают жизнь с чистого листа

*Цынгь-Цынь... утро перестает быть
обычным...*

— Как прекрасен и чудесен этот мир, посмотрите! — Рубен ил подскочил к окошку и высунул голову, славя новый день.

Цынгь цынгьские голуби были рады новому дню не меньше и мигом нагадили ему на голову.

— Рубен, у тебя дерьмо на голове — просто сказала великая героиня, уже не отчаявшись дозваться до спятившего кретина.

— Да, вы правы, о, прекраснейшая из героинь!

— Нет, все таки такой Рубен мне нравится гораздо больше! Давайте его так и оставим!

Авик и Селка наградили ее скептическими взглядами.

— И вот тогда, нет, ну ты представь себе,

подходит ко мне палач с раскаленным шилом... — Алекс рассказывал это с невероятным возбуждением, пытаюсь как можно точнее показать истинные размеры пыточного предмета.

— И дальше шо? — вяло поинтересовалась торговка, которая уже битые пять минут слушала о веселых приключениях гемма в драграддской темнице.

Охотник жизнерадостно улыбнулся (Селка внутренне содрогнулась) и с загадочной миной поманил торговку к себе, дабы рассказать на ушко все подробности.

— Он как подойдет ко мне, как проведет раскаленным прутом по спине... Шшшшух!

— Авик, шо це таке? — торговка самым невежливым образом отвлеклась от описания загнанных по ногти иголок. — Они шо сбрендили?

— Та я с откудова знаю? — дорогой коллега тщетно пытался удержать наседающую на него Сандру.

Лицо геммки давно напоминало холмистую долину. Бжилка обессилена лежала рядом, задрал лапки кверху.

После пятого укуса она еще летала, после восьмого — шаталась как подбитый аэроплан, после пятнадцатого — спланировала на стол, признавая случай безнадежным.

Если помешательство Алекса и Рубена пошло

им только на пользу, сексуальная катастрофа по имени Сандра стала для партии настоящим бедствием. Сотлиссе исключительно повезло, что первым, кого заметила эта недоделанная секс — машина, был аватор.

Не до конца отошедший от потрясения Авик был легкой добычей. Священник не успел сказать и слова, как его метким броском сбили с ног, уложили на диванчик и самым наглым образом впились в губы.

Полусвятой никогда не думал, что в этой хрупкой девушке было столько силы. А еще он никогда не думал, что целоваться можно было настолько плохо.

На этом дорвавшаяся до мужского тела нимфоманка не остановилась и начала развязывать шнуровку его мантии. Полусвятой и сам был не прочь бы сейчас оказаться в Драгградской темнице.

Уличив момент, когда противник запутался в причудливых узелках, Авик все — таки отшвырнул девушку и переполз поближе к дорогой коллеге.

— Куда же ты, моя радость? — Сандра ловко прыгнула со спины и повалила любовника на небольшой деревянный столик.

Столик прогнулся и заорал человеческим голосом. Послышался глухой удар.

Авик обнаружил себя лежащим между двух дам, однако впервые не испытал по этому поводу

никакой радости.

— Пришельцы быстры и кронштейн.

В квадратном лоскутке лучинки — с перепугу Кирия вновь перешла на одиозный, внося в образовавшийся дурдом еще больше хаоса.

— Я извиняюсь! — аватор попытался встать. Главное, не забыть похвастаться дяде Мулику, шо лежал с двумя феминами и пусть только потом попробует его потом назвать девственником.

Встать с висящей на шее геммой было крайне сложно и священник просто откатился в сторону. Развратная послушница сосредоточенно обсасывала его шею. Бедному аватору казалось, что его пылесосят.

Ода легко вскочила на ноги.

— Кто это? — Сотлисса заметила, как в пятке женщины спрятались маленькие кузнечики.

— Ой, то ж то самое страховидло, шо нам помогло в пещере! Ой, то есть я хотела сказать, шо эта милая добрая женщина...

Милая и добрая женщина по — птичьи отряхнулась. В пещере было не до разглядываний, теперь же кетаналька подметила, что их неожиданная спасительница была на добрую голову выше громадины — Сотлиссы, но раза в два тоньше.

Сиреневые волосы были собраны в высокий хвост, а кожа сияла всеми цветами радуги, словно ода никак не могла решить, на каком оттенке ей

следует остановиться.

Далее шли длинные уши, довольно — таки милое личико, выразительные глазищи, острый носик, тонкие гембы и — торговка почувствовала, что внутри нее кто — то мелкий, вредный и противный разразился злорадным смехом. — Абсолютно ровная поверхность груди, по сравнению с которой даже ее прыщики казались спелыми яблочками.

— Извинение. Незнание. Потные пятки.

— Что — что?

— Она плохо говорит на коммоне!

Притихший было Алекс, вновь с жаром принялся уговаривать свое ядро, чтобы оно показало героям наиболее удачные тюремный ракурсы.

Незнакомка оглядела комнату. На точеном личике появилось неподдельное сочувствие.

— Понимание. Начало. Старейшина. Всласть.

У двери слышались хрипы. Видя, что живым аватор не дастся, Сандра решила придушить несчастную жертву.

— Даруй Криатура, лучше бы она говорила на своей одиозной мове — Сотлисса ошалело потрясла головой.

— А шо, идея! Кирия, ви таки скажите, все шо надо, а я переведу.

— Ты что, знаешь эту тарабарщину?

— Профессия обязывает — уклончиво ответила торговка, не уточняя, о какой именно профессии шла речь.

До того как она встретила Аполло, Сирена часто бывала в Пальмовой Роще и любила душевно поболтать с местными жителями. А потом, как в том анекдоте, «И жили они долго и счастливо, пока не поженились!»

— Старейшина скрутил Иного в палисадник
Договорились они вместе обирать бананы.

— Что она сказала? — Сотлисса, между делом вырубил Рубена, которому приспичило продекламировать поэму ее красоте и мужеству.

— От жешь какие мансы — кетаналька казалась крайне растерянной — Если я таки поняла правильно — Иной и какой то пуриц из од сговорились вместе и решили закрутить всем людям гайки. Причем для этого они собираются использовать вот этих шлимзанутых.

— Каким образом? — недоверчиво спросила героиня — Ты вспомни, сколько всего осталось геммов, стараниями нашего...эээ...знакомого.

В голосе амазонки не было ни капли удивления. За время ее шестисотлетней жизни бедное человечество собирались уничтожить добрых раз восемь. В первый раз она была невероятно возбуждена, во второй — удивлена, в третий — «ну ладно, хорошо, пошли», в четвертый

— «опять? да сколько можно?», а все последующие встречала лишь зеванием.

— А остальные перепонки

Которые вдруг Алекс нацепил?

— От засранец! Эти гады до кучи спелись с таким же вольтанутым геммским магигом и он придумал, как вырастить новых геммов и сделать из них собственную армию! Шо станется с остальными геммами, можете видеть вот прям час. Им просто снесет башню как моей бедной тете Агатке, когда она проглотила колодезный журавль.

— Изыыыди — слабо пробормотал аватор, тщетно пытаясь вырваться из страстных объятий шарфика.

— В живых лаптонных трубах

Ядреная тусуется макака.

— Еще не все? Вот эти вот мансы, шо сейчас нам строят наши соратнички — так сказать, еще только цветочки! В итоге эти шаманы недоделанные хотят получить шо — то навроде нашего Алекса.

Охотник жизнерадостно улыбнулся и предъявил однопартийцам готовый рисунок маски голода.

— А с откудава ты таки все знаешь? — уличив момент, аватор успел оглушить Сандру замораживающей литанией и присоединился к дамам — И как нам знать, шо ты — не засланный

казачок.

Кирия недоуменно захлопала глазами.

— Уточнение. Казачок? Народный танец? Житель бульплескианских степей? Поза Дюммастуры?

— Тройной тулуп недоуменный

В пустыне чахлой забродившей? — послушно перевела Селка. Что удивительно, в ее исполнении одиозная тарабарщина звучала невероятно органично. По крайней мере, не особо отличалось от того, что обычно говорила кетаналька.

— Зимородковый колхозник

Живет у берегов Карыма

— Она сама сначала помогала этим поцам, а потом в пух и прах разругалась с какой — то ихней шишкой.

— А вот это у меня осталось после клейма — оптимистичный мученик расстегнул ворот жилетки, внося в разговор долю эротики.

Только сейчас Сотлисса поняла, почему Алекс всегда застегивал жилетку на все пуговицы и не расставался с ней даже в душе. Грудь гемма наискось пересекал огромный бордовый шрам, напоминающий запекшуюся корку.

Уродливая кривая линия, казалось, пересекала ядро насквозь. Вокруг нее весело ютились следы от всевозможных порезов и ожогов.

Авик побледнел и тихим голосом попросил

«Спрятать пакость!». Бедняга, от такой жизни не то что Иному — Ниннельке присягнешь.

— Цвет этого рубца прекрасно оттеняет оттенок ваших глаз — тотчас вклинился рубиновый подхалим, но амазонка отпихнула его как нагадившую в тапки кошку.

— Ой, а что, уже утро? — на сцене показалось новое действующее лицо.

Партия как по команде повернула головы, жадно рассматривая бриллиантовую королеву. По — хорошему, Сотлисса ожидала увидеть на ее месте быструю молнию, однако Димонда лишь протерла заспанные глазки, в которых привычно застыл вопрос «Кто я?»

— Димонда! — негромко позвала ее героиня — Димонда, Димонда?

Королева не шелохнулась.

— Почему с ней ничего не происходит? По идее она должна бегать по комнате сраным веником!

— Вай, Селка, а ты как? — автор только сейчас вспомнил, что дорогая коллега тоже связана с этими стукнутыми на голову брюликами.

— А шо я? — на лице ребе Шинкерман застыло неподдельное удивление. А еще — явственное желание придушить одного на диво языкатого полусвятого.

Авик все понял и мигом стушевался.

Фантазии его хватило только на одно:

— Ну, твое проклятие и все дела!

— Авик, у mine таки все хорошо — торговка сделала ударение именно на последнем слове.

А ведь правда, почему ей не хочется вытворить чего — nibудь этакое? Хотя, учитывая то, что творит ее ядро...

— Часы с кукушкой тик тик так

И Алекс больше не дурак! — голос оды потонул в возмущенном:

— Что вы себе позволяете? Сотлисса, прекратите меня лапать! — охотник запахнул жилетку, смущаясь как красная девица.

— Почему у меня на голове голубиное дерьмо? — недовольно проревел Рубен — И почему я стою на коленях?

— Пока они еще экспериментируют! — кетаналька откровенно любовалась взбешенной рубиновой мордой — И эта дрянь действует недолго.

— Какая такая дрянь? — Алекс с ужасом разглядывал свои художества. Отчего — то виноватая нашлась возмутительно быстро — Селка, что здесь происходит?

— Да, Селка что? — вынырнув из объятий полусвятого, Сандра тотчас залепила ему хорошую оплеуху. Так, для профилактики.

— Отвечайте — проревел Рубен, тщетно

пытаясь выковырять из волос засохшую черно — белую массу.

Кетаналька лишь вздохнула и горестно возвела очи к небу. За три года решительно ничего не изменилось! Если геммы хотели найти козла отпущения, то Альмандина была лучшим кандидатом.

— Тук-тук-тук! — На свете было мало вещей, которые могли напугать полусвятого Авриима. Сидящий на подоконнике почтовый пингвин относился к их числу.

— Наконец-то! — Сотлисса скоренько откинула щеколду. Великая героиня не понаслышке знала, значит минута промедления, а пальцы ей были еще нужны.

— Шо це таке? — Авик недоуменно тер глаза. Странно, он же не пил!

— Это — По-по, наш почтовый пингвин! Тетушка обещала мне писать!

Пингвин — почтарь степенно поклонился и, получив рыбку, вручил великой героине возмутительно маленький конвертик.

Чтение отняло у амазонки не более трех минут, ибо половину слов можно было смело пропускать. Никакой смысловой ценности они не несли, для Леодоны они были чем — то вроде междометий.

— Ну шо там в мире твориться? — ребе

Шинкерман была рада любому поводу перевести стрелки.

Вместо ответа Сотлисса протянула бумажку охотнику и ткнула в наиболее заинтересовавшую ее строчку.

— Даруй, Криатура, Сотлисса, я бы никогда так не сделал!

— Да нет, это у нее для связи слов. Ты дальше прочитай!

— Но как это возможно? Она не могла уйти так далеко!

— Да что вы там мямлите, скажите так, чтобы все поняли! — аватор был согласен с великой героиней — роль жизнерадостного кретина Рубену шла гораздо лучше.

— Может она пошла вашими дорогами? Ну, вроде тех, которыми вы ходили к Иному?

— Вполне возможно! Сотлисса, мы можем отправиться прямо сейчас?

— Гиде мы пойдём? — торговка была полна оптимизма.

Алекс повернулся к ней. Глаза его сияли.

— Селка, ты не представляешь, что произошло! В Косой Зербии тетя Сотлиссы видела Альмандину!

— Ась?

— Мы должны отправиться незамедлительно! — Алекс сверкнул камнем,

пытаясь нащупать ближайший нод.

— Тристан болеет корнизолом

В тужурке дверь ты просверли!

— Ось зараз! Скатались! — Селка не знала —
радоваться ей или огорчатся.

— Шо она сказала?

— Этот старый поц, шо встретил нас в
пещере, нешта зробил с ихними порталами и теперь
придется топать на своих двоих.

— Ничего! — великая героиня сверилась с
картой — До Косой Зербии всего месяц пешего
хода, свежий воздух полезен для здоровья.

— Но Сотлисса! Она же может уйти, а я пока
не могу позвать ее ядро своим.

— Сектанты бродят на кефире

Что кинули на шумном берегу!

— Она кажет, шо можно попользовать
ихнимим интернодами.

— Но триста раз отмеряв пяльцы,

Да не заправишь ты чернила!

— Что опять?

— Но они работают только тогда, когда
внутри находится ода и рассчитаны не более, чем
на трех человек.

— Растолки растопшу!

Покроши подорожник!

И будет тебе гармонь!

— Ну да, я так и подумал — мрачно

откликнулся Авик. Его не покидало ощущение нереальности происходящего.

— Она говорит, шо тот старый дуберцал — только мелкая шестерка. Всем у них заправляет какая — то королева и ежели ей хорошенько подмазать — она таки может помочь врубить и ваши ноды обратно. Она это умеет.

— Отлично! Мы едем к одам.

— Блокатор солнечных лучей

Не слишком много спф!

— Оды всего кагала не пропустят, надо кого — нибудь одного, шоб ихний телепорт выдержал, и желательно — гемма, навроде посла. И желательно, того, которого не жалко! — торговка выразительно глянула на Рубена.

— Я не оставлю здесь свой Самоцвет.

— Я пойду! — Сандра радостно вышла вперед

— Я всегда мечтала побывать в одиозном городе.

— Сандра, нет! Это опасно!

— Братик, не будь нудным.

— Придешь ты в офисный грабитель

И да отыщешь подчехол.

— И я очень рада, Кирия!

Ода улыбнулась и принялась готовить точку перехода.

— Так а нам шо робить? Сидеть и ждать?

— Есть таки одна идеяка — сказала аватор и отчего- то покраснел.

Поле неподалёку от деревеньки Иччидрик...

Холодно, мать его так раз так. Холодно и мокро.

Аполло плотнее закутался в остатки плаща и скорбно потопал дальше, баламутя грязь в темных лужах.

Стражнички выполнили свое дело на совесть, даже слишком. Навалить бывшему правителю была исключительно их инициатива.

Первый день опаловый гемм попросту отлеживался в наиболее теплой луже, на второй — с горем пополам пришел в себя и даже сумел подняться.

О географии Скального Мира Аполло знал примерно столько же, сколько звездно — полосатые детишки. Он был свято уверен, что Драгград находится в центре Скалы, а остальные земли только и ждут того, чтобы принести ему вассальную клятву верности.

Нод выбросил его рядом с небольшой деревенькой, неподалеку от полуразрушенной фермы. После того, как на него наступило три свиньи, бывший регент понял, что в жизни пора что — то менять и отправился на поиски лучшей доли.

Как на зло, в довесок зарядил пакостный холодный дождь. До поселка пришлось ковылять

по распаханному полю, без малейшего намека на какой — либо навес.

За время вынужденного променада, гемм успел несказанно удивиться собственной выносливости и тому факту, что он до сих пор жив.

Ботинки расклеились и поплыли, а на лице застыла самая настоящая грязевая маска, щедро сдобренная чистейшим навозом.

В ответ на стук деревенские ворота заныли и заскрипели досками. После этого наступила полная тишина.

Его сиятельное сверкательство пришло в неопишное возмущение и требовательно стукнул еще раз.

Потом еще.

И еще.

Да что они о себе возомнили, эти людишки? Как они смеют задерживать особ правящего драгградского дома?

На пятнадцатом стуке за воротами раздался хриплый собачий лай и шарканье сапог о мокрый гравий. Кряхтящий старческий голос недовольно произнес.

— По голове у себя постучи паразит. Да чтоб ты сдох, пока я ключи найду!

Не помня себя от подобной наглости, гемм так и застыл с протянутой рукой, являя собой на диво дурацкое зрелище.

— Ну, чо постал, бродяжка? — ворота, с жалобным пискотворились — Нету у меня грошей, сам лапу сосу! И в село не пушту, нечего заразу разносить!

Местный страж санитарного порядка был приземист, суров и волосат, по виду напоминая заросший мхом валун. При виде такой охраны все микробы обязаны были дохнуть еще на подлете.

Аполло продолжал молча пялиться на это чудо природы, что рассердило сторожа еще больше.

— Че молчишь, га? — мужик воинственно упер руки в боки — Немой что ли? Или богатей какой и тебя наши ограбили?

Аполло не придумал ничего более умного, как вздернуть верхнюю губу и капризно потребовать:

— Да ты хоть знаешь, кто переел тобой стоит? Пади на колени, червь перед регентом...

— Хлоп! — закрылись перед самым носом.

Аполло не сдался и добавил парочку слов покрепче, сам не подозревая, какую яму себе копает.

Ворота открылись повторно, оглашая всю округу плачем по бестолково загубленной опаловой жизни.

— Да ты не представляешь всю величину моего гне... — Аполло мигот осекся, заглянув в два глаза двуствольного ружья.

— А ну пшел вон отсюда! — грозно прошамкал мужик, поднимая оружие — Пшел, а не то пристрелю!

И у таких дремучих идиотов бывали времена просветления. Опаловый красавчик мигом дал деру.

Старичок наблюдал за ним с улыбочкой бывалого маньяка — садиста.

Раздался выстрел.

Регент Драгграда беспомощно замахал руками и рухнул в грязь подстреленным голубем. Небо продолжало безмолвно лить слезы над павшим героем.

А ботиночки — то халтурными оказались, трех дней не прошло, а уже расклеились — только и успел подумать гемм, прежде чем окончательно потерять сознание. Болело все — отбитые ребра, вывихнутая челюсть, но больше всего — наштигованная солью задница и эта агония не шла ни в какое сравнение с болью от вырванного ядра.

На пути в Тихий городок Косая Зербия...

Стрыбынь! — Невысокий парень подпрыгнул от неожиданности. Лицо его отражало жуткие мучения. Украдкой скривившись, он машинально потер запястье, но все — таки выдавил из себя вымученную улыбку.

— Да?

— Топазон, ну что ты ноешь как маленький? — его спутница — невысокая худенькая девчушка в потешном платьице недовольно топнула ножкой. Личико милого создания скривила недовольная гримаска.

Внешность ее как нельзя точно напоминала образ классической девочки — ангелочка — простенькое платьице, светлые волосенки с потешными завитушками и очаровательный носик. Нос, откровенно говоря, был слегка длинноват, отчего в профиль девушка слегка напоминала аиста, но это ее ни капельки не портило.

Юноша охнул и вымученно улыбнулся. Горе было тому, кто хоть когда — то посмел перечить милому созданию. Кончина этих идиотов была мучительна. О нет, девочка не была ни злодейкой, ни ненормальной. Скорее всего, вас просто зацелуют до смерти.

Идею о резинке позитивного мышления девушка вычитала в одном из звездно — полосатых буклетов, которые забыли постояльцы одной из комнат, где они оставались на ночлег. Как потом подозревал Топазон — забыли умышленно. Тоненькая книжица была проглочена за пять минут, после чего ангелочек активно начала нести в этот мир добро и любовь.

Итогом этих попыток (помимо замедленного кровотока и риска умереть от перенапряжения

артерии) должно было служить полное освобождения сознания от всего негативного. Для этого самые жизнерадостные жители Скального Мира (при том, что средний процент самоубийств у них был первый в мире) предлагали надеть на запястье широкую и плотную резинку, и всякий раз, когда зловердные шидобли будут сеять в вашей голове злость и раздражение, с силой оттягивать резинку и ударять себя по запястью, чтобы напоминать о том, что надо думать о хорошем. О количестве гематом и случаев клинического кретинизма буклетик умалчивал.

Самой девушке резиночка явно не требовалась. Она с самого рождения видела в людях только хорошее.

— Топазон! — воздушное создание с размаху подлетела к нежащейся в грязи свинье и плюхнулась рядом — Топазон, смотри какая хрюша! Смотри, какая она носатенькая, какая щекастенькая!

Огромная унылая свиноматка флегматично обнюхала протянутую руку. Не найдя там ни вожделенной ботвы, ни не менее желанной инъекции для усыпления, свинья все так же флегматично развернулась и напустила газов в грязь.

Помимо воли юноша ехидно усмехнулся. Конечно, он любил свою очаровательную спутницу,

но это не мешало ему иногда признавать, что подружка здорово похожа на блаженную.

Девушка с наслаждением повела носом, не обращая внимание на передохших вокруг мух.

— Прелесть! Пахнет, прямо как в деревне!

Юноша лишь покачал головой. Подружка была безнадежна.

— Топазон, иди сюда, понюхай!

Любовь бывала зла.

— Нет! — парень отрицательно покачал головой и до кучи замахал руками. Пары успели подобраться и к нему.

— Но Топазон — губки милого создания задрожали.

— Турма, пойдем, хватить дерь...

— Топазон?

Юноша замер и с видом мученика, которого заставляют самому себе чесать кол, дернул за резинку.

— Стррынь!

— Турмочка, хватит нюхать этот чудесный аромат, пойдем!

Глава четвертая

В которой явно намечается какая — то грандиозная пакость

Временное Геммское пистанище, которое, после того как туда переселился Иной, официально переименовано в Цитадель Зла

— Триста тридцать шесть, триста тридцать семь, триста тридцать семь, триста тридцать семь...

— Тебя заело? — недовольно спросил Гатио у своего счетовода.

Ярко — желтые глаза удивленно моргнули и гемм отвесил механический поклон.

— Простите, господин маг, разрешите начать заново?

— Валяй!

— Один, два, три...

— О нет, только не это! — Гатио поспешил покинуть скорбную комнату.

Со счетом у агатового гемма всегда было туго. Все свои изобретения он создавал, руководствуясь исключительно порывам вдохновения, и очень удивлялся, если новая машина, вместо того, чтобы ловить мух, вставала и уходила плакать в ванну.

— Иной, нам необходимо еще триста девяносто шесть тел для переселения ядерных искр. — счет бы окончен спустя два часа.

Иной согласно кивнул, мельком пробегая глазами по чертежам.

Пару дней назад колдун успел изучить все

гравюрки, посвященные последнему писку моды злодеев и успел основательно прибахлаться.

Поношенную черную мантию сменил веселый синий плащик в мелкую черепушку. С размером слегка промахнулись, отчего будущий властелин Скальномирья напоминал гигантский синий валун, а лысая голова выглядела как голова человека, которого затянуло в безжалостный водоворот.

— Вчера мы восстановили тела пятидесяти четверем воинам, сегодня их стало еще больше. Гатио, что — то не так. Мы явно что — то упустили во время наших расчетов!

— Отчего вы так решили, господин?

— Наши солдаты умирают от одной — единственной царапины.

— Не может быть! Боевой адреналин, конечно, обостряет чувства, но не настолько!

— А как ты объяснишь то, что Иллебр, грозный Берилл, погиб от потери Лифы только потому, что случайно наступил на ежика?

— Господин, вы не представляете, сколь подлы и коварны могут быть эти твари!

— Довольно! У тебя есть какие — нибудь идеи?

— Ваше светлость!

— Не лебези! Я все равно не дам тебе денег на новую мантию!

— Нам нужна Сирена Альмандина.

— Через мой труп! — костлявые пальчики попытались изобразить корневое знамение.

— Но она- единственная, кто умеет лечить геммов! Она бы могла воскрешать наших воинов.

— Ты думаешь, она согласится? Эта ненормальная чуть не разнесла мне всю лабораторию! Да она скорее сдохнет, чем будет нам помогать.

— Не беспокойтесь, мои изобретения сумеют «уговорить» кого угодно!

— Отлично, тогда за дело!

Поле, неподалеку от деревни Иччидрик.

Нет, все же он не умер.

Опаловый гемм понял это только на следующий день, когда адская боль сменилась банальным жжением в заднице.

Соваться в агрессивно настроенную деревеньку было бесполезно. Вредный старикан то и дело выходил за ворота и перезаряжал свое проклятое Стратумом оружие, отчего жить регенту становилось разом грустнее.

К проблеме ночлега присоединилась вторая, куда более весомая. Его Сиятельное Сверкательство очень скучал за спелыми Лоллобриджскимим нектаринами, который он привык вкушать каждое утро.

Спустя два дня тоска по драгградским яствам сменилась вполне простым желанием пожрать хоть что — то, кроме осточертевших ягодок. Спустя день Аполло поймал себе на мысли что испытывает к деревенскому сторожу особый, гастрономический интерес.

Мужичок понятия не имел, насколько грозного врага себе нажил. Близился час расплаты.

Это случилось, когда все окружающие ягодные кусты были безжалостно ободраны, грибы — ядовитые и не очень — съедены, а кора деревьев выглядела так, будто бы в лесу резвилось стадо голодных бобров.

После того, как опалового гемма до крови искушали местные белки, у него созрел идеальный план мести.

Почти каждый день, в одно и то же время, сторож ходил на охоту. Его Сиятельное Сверкательство поджидал старика в небольшом, поросшем лопухами овражке.

Замечтавшись, Аполло облизнулся, представляя с каким наслаждением он будет разделывать эту тушку. Фантазии гемма прервал громкий шелест. Сторож шел проторенной дорожкой и к тому же — регент возликовал — ружья у него с собой не было.

Дойдя до раскидистого орешника, старый хрыч боязливо оглянулся и скинул свою шубейку.

Аполло крепче сжал самодельное копьё, выточенное из крепкой молодой осинки, и неслышно выбрался из своего укрытия.

Желтые изогнутые клыки и противная чешуйчатая морда стали для него недюжинным сюрпризом. Тварь ошарашено моргнула и, узнав давешнего оборванца, ощерилась еще больше.

Его Сверкательство испугано попятился. Старый пенек оказался морфом — звероящером.

Добрый дедушка взревел и пошел в наступление.

Боевой запал красавчика мигом сменился желанием сходить по — маленькому. Гемм смешно замахал руками и отпрыгнул назад.

Ящер с пакостной ухмылкой наблюдал за тем, как его сиятельство на дно оврага, после прыгнул следом.

Чудище грациозно приземлилось рядом с горе — охотничком и обошло его по кругу, прикидывая, какую часть сожрать, а какую — отдать деревенским жителям под видом свежей оленинки.

Аполло попытался дотянуться до своей пики, однако руку мигом прошило судорогой. При падении ядро слегка ушиблось. На его восстановление нужно было от силы минут пятнадцать, вот только кто ему их даст?

Тварь подошла ближе, обдав лицо зловонным дыханием.

Красавец — мужчина похолодел. Он прекрасно понял, как именно дедушка добывает пропитание для родной деревеньки. Ружье старому засранцу нужно было только для прикрытия.

Чудище дотошно обнюхивало лицо. Гемм уже практически мог разглядеть второй ряд зубов и ярко — синий язык...

— Бум!

Башку зверя резко мотнуло в сторону и Аполло наконец — таки смог вдохнуть свежего воздуха.

— Бум! — звероящер взвизгнул как шавка, и бестолково заметался по дну оврага, уклоняясь от летящих в него камней.

— Ах ты ж тварь такая, я ж предупреждала, чтоб носу сюда не казал! — новый камушек прилетел в компании недовольного женского голоса. — Куда побег, паскуда?

В единый миг страшное чудище превратилась в смиренного декоративного варанчика. Звероящер метался из стороны в сторону, пока ему не пришло в голову остановиться и попытаться спрятаться в норке. Земля вылетала из — под его когтей с пугающей скоростью.

— А ну стой паразит! — сверху послышался скрип веток и легкий топот.

Чудовище заработало лапами с удвоенной энергией.

— Куда прешь, падла? — небосвод закрыла зловещая тень.

На всякий случай опаловый регент поспешил притвориться мертвым.

Последнее оказалось лишним. Один из пущенных камней отскочил от чешуйчатого зада и отлетел прямо гемму в голову. Сожрали его или нет, его сиятельное сверкательство уже не видел.

Тихий и спокойный городок Косая Зербия...

— Еду так не камо жи
Шкоду цо е ораву
Спеха троху рискую проезджинчи с Мораву
Жадит тама страшидло
Выступуе с бажин
Жерет главным пражакив
Именуется Йожин

Рядом с солистом появился человек с маракасами и затрясся как припадочный. Вместе парочка дружно грянула:

— Йожин с бажин...

— Топазон, какая прелесть! — девушка радостно захлопала в ладоши и — гемм не успел

опомниться — с восторгом зарылась в ближайшую клумбу.

Растущие там тюльпанчики откровенно загрустили. Гемм охнул и побежал следом, но было уже поздно. К нарушительнице порядка спешили грозные стражники.

— Кочешма плаввич? — злобно буркнул один, указывая на девушку.

— Ой — серые глазки восторженно сверкнули вместе с ядром, выдавая геммку с головой.

— Ну нельзя же быть настолько легковерной — Топазон нащупал рукоять меча и приготовился к неизбежному — Зачем с самого первого дня так глупо попадаться?

Если бы девушка начала так сверкать ядром в Кетанале, до вечера она бы точно не дожила. На ее счастье, Косая Зербия была тихим маленьким городком, которому совсем были не нужны лишние проблемы.

За всю историю существования, в городе произошла одна — единственная революция, за право изменить название с «Косой» на «Прямую», но и та провалилась. Революционно настроенных жителей в городе оказалось пятеро, а из средств борьбы — один агитплакат.

Провокаторов даже не стали вешать. Просто отобрали писульку и отпустили на все четыре стороны. Революционеры при этом плакали и

клялись больше так не делать.

— Дяденьки, какие у вас красивые доспехи! — восторженно пробормотала Турма, с восхищением рассматривая ржавые жестянки — Топазон, тебе нравится?

Гемм уже заносил меч над головой одного из стражей. Стражники оглянулись. Парень спрятал меч за спину и притворился, что просто чешет спинку.

— Какие у вас ботинки! — Турма переложила содранные цветы подмышку и наклонилась ниже. От исходящего от обуви аромата цветы скукожились и завяли.

Взгляд геммки пошел выше. Денек был жарким. Нетрудно было догадаться, что под кольчугой...

— Ой, — донеслось после секундного замешательства — Какой у вас маленький и аккуратненький...

...Не было ровным счетом ничего.

— Порашено нам — стражник выпрямился и отдал честь, стремясь покинуть площадь как можно быстрее. Топазон вздохнул с облегчением. Хотя бы на этот раз обошлось без тюрьмы.

Музыканты тем временем закончили измываться над инструментами. Собравшиеся вокруг сцены зербианцы нехорошо усмехнулись и взяли за помидоры и камни.

— Спасибо вам огромное! — Топазон проморгал, когда девушка успела вбежать на сцену. Клумба напоминала котлован, оставленный взрывом. На ней не осталось даже земли.

Подруженька легко взбежала по ступенькам и остановилась перед главным солистом — невысоким женоподобным мужичком с золотыми кудрями.

Гемм с облегчением вздохнул. Подруга по жизни обладала волшебной способностью избегать неприятностей. Где бы она ни появлялась, всегда образовывалось настоящее «пространство любви». На сияющую неподдельной радостью девушку ни поднималась рука даже у самых отъявленных злодеев. Все доставалось ему.

Толпа с явным неудовольствием расставалась со своим оружием. Особо голодные попросту кинули помидоры прямо в рот.

— Спасибо тебе... о, щедрая дева! — менестрель был польщен. Ему никогда не дарили букеты прямо с землей.

— Ой, ну что вы, не стоит... — Девушка зарделась и стыдливо уткнулась в цветочки. Сидящие там гусеницы наконец оправились от шока и кинулись в рассыпную.

— Кара небесная! — внезапно завопил один из музыкантов, который играл на губной гармошке в форме уточки. В какое место он при этом дул, он

предпочитал не думать.

— Кара! — повторил клавишник, указывая куда — то вверх.

Топазон обернулся и обомлел. В небе над площадью появилась туча, состоящая из кучи сияющих бабочек. Из тучи, что странно, были слышны сдавленные крики.

— Турма, прячься! — коротко скомандовал юноша, хватаясь за меч.

В любой непонятной ситуации гемм первым делом хватался за меч, а потом уже разбирался, что к чему. Стратегия была хорошая, только вот не всегда себя оправдывала. Особенно, когда юноша задавался вопросом, куда спрятать тело.

Народ кинулся врассыпную, на ходу дожевывая помидорки.

Бабочки приземлились прямо на развороченную клумбу. Они подлетали все ближе и ближе друг к другу. Спустя пару мгновений в котловане стояли четыре фигуры.

Одна из них, облаченная в мантию аватора, изменилась в лице и с криком «Я вас таки догоню» побежала прочь с площади. Отчего — то человек держался за место между ног.

Оглянувшись, бедный священник заорал еще громче. Топазон услышал что — то вроде «Вылезай из меня! Я все понял!»

— Топазон, что это? — Турма потерла глазки,

пытаясь хоть что — то разглядеть из — за поднявшейся пыли.

— Понятия не имею! — от удивления гемм чуть не напоролся на собственный меч.

Солист ансамбля прищурился, потом всплеснул руками и кинулся навстречу этим странным людям. Клавишник и уточник побежали следом. Музыканты очень боялись, что он от них уйдет, как сделали до этого предыдущие двадцать солистов. Им было невдомек, на кого они нарвались.

— Топазон, пойдём, посмотрим! — геммка потеревила друга за рукав, не понимая, отчего тот медлит.

— Турма, пошли отсюда! — юноша с силой сжал руку девушки, увлекая ту за собой.

— Но...

— Нам пора!

— Но почему?

Гемм молчал, продолжая упорно двигаться вперед. Девушка висела у него на руке, но на возросший вес он не обратил никакого внимания.

На самом деле ему самому было жуть как страшно, но геммский кодекс запрещал рыцарю показывать свой страх перед дамой.⁴

⁴ А вот реветь с мыльного марокасского сериала как раз никто не запрещал.

«Кару небесную» узнал не только менестрель.

— Гм...очень...нестандартный способ путешествия! — Сотлисса была настолько поражена, что даже перешла на многосложные слова.

— И так удобно — оптимистично согласилась торговка — Правда, Алекс?

Единственно подвижной частью тела охотника оставались глаза, которые меняли цвет с фиолетового на зеленый. Все силы сосредоточия зла были брошены на то, чтобы не бухнуться на колени и не избавиться от последствий кульбитов естественным путем.

Авик и не думал возвращаться. В полете полусвятой уже раз двести проклясть окаянную идею воспользоваться помощью духа Гротт. Пару недель после воззвания, горячая женщина не показывалась, отчего полусвятой был уверен в том, что за него попросту забыли. Не тут то было. Оказывается, развратному духу просто нужно было время, чтобы накопить силы для своей материальной оболочки и, сделав это, дама вновь начала донимать бедного автора, обещая исполнить все его желания.

Сотлисса привычным движением поправила

сползшую грудь. На этом везение партии закончилось.

— Моя муза и ты здесь! — бард привычным движением кинулся своему божеству в ноги.

Великая героиня привычным движением потянулась отвесить сказителю хорошего пинка.

— О, моя королева! — бард ловко перехватил гигантское сапожище и покрыл его поцелуями. — Не иначе, тебя сюда направила сама длань Криатуры!

Амазонка горестно закатила глаза. Мать — Создательница ехидно помахала ей ручкой и кинула в рот пару зерен взорванной кукурузы. Как у всякого порядочного зрителя, у Криатуры была своя слабость. Она просто обожала тупых несмешных героев, которых постоянно бьют. Психологи считали такое увлечение первым признаком заниженной самооценки, но помалкивали, если не хотели быть спаленными святой молнией.

— Прошу простить мою неучтивость — менестрель галантно поклонился. — Позволь мне представить тебе мою группу. Вместе мы называемся...

— Три дебила!

Один из музыкантов — в прошлом — заслуженный артист Кеемы, виртуоз игры на треугольнике, прожег героиню убийственным

взглядом, но все — таки спрятал назад своего говорящего енота. То, что зверек был уже месяц как мертвым, музыканта ни капельки не смущало.

— Вы шо, таки вместе с дурдома сбежали? — ласково поинтересовалась торговка.

— Скажете тоже! Нас выписали под расписку...

— Это совершенно не важно! — менестрель поспешно пнул чересчур разговорчивого уточника в коленку.

— Пора нам! — всякий раз, встречаясь с бардом, Сотлисса старалась убраться как можно быстрее. Она боялась. Не за себя, за него.

— Но мы ведь еще не окончили концерт!

— А вы здесь таки давно?

Менестрель задумчиво пошевелил губками, пытаясь вспомнить, сколько дней его не били.

— Около недели. Пока обосновались, пока написали новую песню...

— Пока под пытками заставили министра культуры предоставить нам сцену для выступлений. — виртуоз треугольника был крайней правдивой натурой.

— Не пытками, а уговорами с применением различных методов убеждения! — менестрель деланно улыбнулся. Ребе Шинкерман прекрасно знала эту улыбку. Так в их магазине улыбались люди, которые уже съели сардины, а только потом

догадались посмотреть на дату изготовления.

— Скажите, чи видели туточки кого — нибудь интересного? Навроде Алекса, с брюликами в грудях?

Ребе Шинкерман просчиталась. Служитель муз не мог заснуть без листьев тренордера двугорбого, который помимо галлюциногенного эффекта обладал свойством прочищать память. Именно поэтому каждый день бард встречал как новый.

— Скажите, быть может, вы видели в этом городе красивую женщину с длинными белыми волосами и ярко — красным ядром в груди?

— С камнем в груди? Я видел одну красивую белокурую даму...

— Она здесь? Где именно ты ее видел? — охотник с надеждой подался вперед. Глаза его сияли.

— Да, мой сладенький — бард шагнул навстречу и чмокнул охотника в губки.

— Ой малохооольныый! — ребе Шинкерман машинально отметила, что хоронить барда будет очень удобно. Расчлененное на несколько частей тело гораздо лучше укладывается.

— Беги, придурок! — только и успела сказать Сотлисса.

Голосистый засранец доигрался. Охотник не стал угрожать, а молча выхватил кинжал и погнался

вслед за незадачливым губошлепом.

Без идейного вдохновителя бэнд разом погрузнел.

— А давайте мы споем нашу новую песню? — застенчивый крепыш смущенно пискнул уточкой.

— Она очень хорошая — подхватил клавишник — Про коров, которых убивают элетрошоком!

Не тратя лишних слов, Сотлисса расчехлила Не Ведающее Промаха копьё.

Бэнд все понял и проследовал вслед за главным солистом. Все равно кому — то нужно будет забрать тело.

— Эй! Так гиде вы видели эту мадаму?

— А вы поможете мне успокоить мою маленькую? — бородач обиженно шмыгнул носом и нежно погладил уточку. — Она так перепугалась.

Селка протянула ему горсть кукрушек.

— Сегодня с утра видели ее в гостинице! Той самой, про которую обычно говорят шепотом и чертят в воздухе знак пугала, ну та самая, где повесился бывший князь Степашка.

— А, таки так бы сразу и сказали.

— Отсюда недалеко, на том месте, где улица Кривой Котомки пересекается с Овчинным лугом! Ну там, где еще на полене грибы выращивают, ну там, где еще вчера задушили кошку за то, что она выболтала военную тайну.

— Ой таки не надо подсказок, мы все поняли!

— А ну стой!

— Любовь моя, ты не так понял! Я просто хотел!

— Убью!

— Спасите!

— Осторожнее! — менестрель несся не разбирая дороги и чуть не сбил с ног какую — то женщину. На самом деле менестрелю было очень сложно сбить кого — то с ног. Попытайся сбить с ног, когда в тебе всего сорок килограмм чистого веса.

— Прошу вас, спрячьте меня, мой любовник...

В сторону менестреля полетел кинжал.

Бард ловко пригнулся, лезвия скользнуло мимо.

И тут девушка повернулась.

Второй кинжал упал прямо на мостовую. Алекс застыл, словно пораженный громом.

— О, мой темный рыцарь, ты больше на меня не злишь... — менестрель шагнул вперед, но охотник, не глядя отмахнулся. Бард отлетел к забору.

— Здравствуй, Алекс! — женщина улыбнулась и нерешительно подошла ближе.

Охотник не шевелился.

— Здравствуй... Сирена!

Глава пятая

В которой партия знакомится с настоящей Сиреной Альмандиной, но легче им от этого не становится

Все тот же Тихий городок...

— Топазон! — Турма встала посреди дороги и недовольно скрестила руки на груди.

Юноша тяжело вздохнул — если дорогой самоцвет вбивала что —нибудь себе в голову, выбить это можно было лишь только с помощью хорошей дубинки.

— Да? — уныло откликнулся он, не забыв перед этим хлопнуть резиночкой. — Что — то не так?

— Не прикидывайся дурачком! Почему мы не остались и не помогли этим людям? Им явно нужна была помощь, особенно — тому несчастному, который сразу кинулся в сторону храма.

— Турма! — юноша попытался сдвинуть подругу в сторону. На дороге за ней начала образовываться очередь. — Ты разве не видела, кто с ними путешествует?

— Красивая дама, с шикарной грудью, которая похожа на твою голову, священник — тот бедняга, у которого загорелась мантия, кстати, Топазон, заметил как ему шло гореть заживо, и еще маленькая крас...симпатичная девушка — даже такая дремучая оптимистка как Турма не осмеливалась назвать ребе Шинкерман красивой — с потешным чубчиком.

— А второй парень? Его ты рассмотрела? — народ позади девушки начал проявлять недовольство. В парочку начали лететь комья грязи.

— Я не смогла разглядеть его лица, он был очень занят тем, что пытался потушить огонь. Спрашивается, зачем? Вместе они бы так красиво смотрелись на фоне закатного неба.

— Так он тебя не видел?

— Нет!

— Хвала Криатуре! Это был Алекс!

— Тот самый? Охотник за драгоценностями? — страх, на мгновение мелькнувший в восторженных серых глазках, сменился лихорадочным предвкушением.

— Да, это он.

— Так это же здорово! — девушка радостно залапала в ладоши и забегала по большому кругу вокруг своей оправы.

— Что в этом хорошего?

— Настоящий злодей! Топразон, я никогда не

видела настоящего злодея! — девушка схватила юношу за руку — Топазон, мы просто обязаны его увидеть! Пойдем.

— Ну вот, опять — юноша равнодушно проводил взглядом руку, которую девушка оторвала. Боли не было совершенно. Благодаря его ядру, все болевые окончания гемма были сосредоточены подмышками и от оторванной руки ему не было ни горячо не холодно. Это было и к лучшему — подружка частенько увлекалась и то и дело утягивала его руку или ногу с собой. Топазон привык и отращивал конечности автоматически, но вот окружающие пугались.

Геммка ничего не замечала, а продолжала упорно идти вперед. Народ в ужасе расступался.

— Турма!

— Ой, Топазон, прости, я нечаянно! — девушка с виноватым видом подала напарнику руку, тот приладил ее обратно. Улица опустела в считанные мгновения.

— Ничего страшного, пустяки, я привык! — он мог простить своему Самоцвету и не такое.

— Ну пожалуйста! — Самоцвет прекрасно это знал и нагло этим пользовался.

— Турма, он нас убьет!

— Подумаешь! Нас много раз убивали люди!

— В том — то и дело! Он убьет нас насмерть!

— Вечно ты все преувеличиваешь!

Топазон отчаянно завертел головой по сторонам в поисках поддержки.

— Отче, вразумите! — юноша чудом перехватил девушку за запястье и поволок к увиденному в толпе аватору. Полусвятой был занят чрезвычайно важным делом. «Отработав» поездку, но вознаграждал себя за усердие — тырил из ларька семки.

— Талла Криатура! — полусвятой привычным жестом благословил паренька, попутно стряхивая руки от компрометирующей черной шелухи.

— И меня, отче — перед глазами полусвятого буквально из ниоткуда выпрыгнуло светловолосое чудо и уставилось на него большими серыми глазищами.

— Благословляю, чадо мое! — лицо Авика озарила улыбка. С давно не бритой щетиной полусвятой напоминал веселого, жизнерадостного бомжика.

— Спасибо вам, отче! — девушка запрыгала и захлопала в ладоши.

Авик крякнул и удивленно оглянулся. Обычно на его благословения люди реагировали иначе. Если его не били, это было уже достижением.

Геммка настолько радовалась, что совершенно не смотрела вперед.

— Турма, осторожно, там же...

Его слова потонули в грохоте и облаке дыма.

Авик так и остался стоять с протянутой рукой. Не разбирая дороги, девушка со всего размаху врезалась в лоток с громбузами.

Из — под кучи обломков была видна лишь рука, но и она продолжала показывать вверх большой палец. Авик мигом представил, как девушка показывает такой же знак из собственного гробика.

— Турма, держись, я тебя вытащу! — паренек кинулся к куче обломков и попытался приподнять крышу. Аватор с интересом наблюдал за происходящим. Внезапно в груди паренька полыхнула яркая золотистая вспышка.

Это длилось всего мгновение, но этого было достаточно, чтобы крыша отлетела в сторону.

Девушка оказалась цела и невредима. Авик впервые видел настолько фартового человека. Крыша упала аккуратно над ее головой, заключив девушку в своеобразный «Домик», отчего очаровавшка отделалась лишь перебитой ногой.

— Ух ты, а так даже красивее! — задумчиво проговорила Турма, ощупывая вывернутое колено. У Авика не нашлось слов.

— О, Криатура, ты ранена! — паренек в один момент оказался рядом и попытался ощупать пострадавшее место. — Что болит? Где болит? Поговори со мной!

Полусвятой словно воочию увидел, как

выглядел он сам, когда во время одно из «помороков» пытался измерить Селке температуру. Он тогда еще злился и не понимал, отчего коллега так яростно отнекивается. Только потом узнал, что температуру, оказывается, можно было измерять и под мышкой.

— Топазон, у меня все хорошо!

А теперь Авик воочию видел Селку, которая шла, держась за стенку и уверяла, что у нее, дескать, «все в полном ажуре». Следом за кетаналькой неотступно следовали крысы, которые терпеливо ожидали, когда та загнется.

— Давайте я вам таки помогу! Я умею лечить! — аватор с готовностью зажег руки, но тут в груди девушки сверкнул прозрачно — белый камень.

Камень в груди паренька мигом откликнулся на зов.

— Так вы шо — геммы?

— Умоляю вас, только не кричите!

— Топазон, ну почему? — турмалин в груди правдолюбки, как назло, начал сверкать разными цветами.

— Лучше таки слушайте своего человека, коли ж не хотите заработать дырочку в груди — мрачно поддержал его аватор.

— Откуда вы...?

— Мы — кетанальцы, за много знаем. И еще я

знаю за одну фемину, которая возьмется лечить брюлика.

— Где мы можем ее найти?

— Я таки вам помогу за...

— Ишь, чего удумал, паскудник! На горе людском наживаться! Я тебе щас!

— Какой смешной батюшка! Почему так странно прыгает и зажимает руками хламиду!

— Не знаю! — юноша не мог оторвать от аватора замороженного взгляда. Он никогда не думал, что человек может так громко вопить.

— Я помогу вам за просто так!

— Спасибо вам огромное!

— Пойдемте! Бистренько!

Цитадель зла...

— Иной, мы нашли ее! Господин... Господин, что вы делаете?

Колдун чесал чвырочке грудку. Пернатая тварь стонала от удовольствия, и время от времени подавала короткие команды:

— Сильнее, еще сильнее, нет, не там, чуть ниже.

— Господин, вы...здоровы? — гораздо привычнее было видеть, как маг опускает несносную птицу в кипяток.

— Я проспорил — сквозь зубы процедил